

УДК 316
ББК 60.5
DOI: 10.26907/2079-5912

Информационный научно-аналитический журнал
КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#1 2022 (52)

Учредитель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Издательство: Издательство Казанского университета

ISSN 2079-5912

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ №ФС77-75726 от 08 мая 2019 г.

Журнал размещен в Научной электронной библиотеке (участвует в программе по формированию РИНЦ).

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № 11899.

Адрес в сети Интернет: www.kpfu.ru/isfnmk/kazanskij-socialno-gumanitarnyj-vestnik

Редакционная коллегия

Р.Г. Минзаринов (главный редактор) – д-р социол. наук, профессор

В.А. Беляев – д-р полит. наук, профессор

А.Г. Большаков – д-р полит. наук, профессор

А.Н. Ершов – д-р социол. наук, профессор

М.Ю. Ефлова – д-р социол. наук, профессор

Г.В. Морозова – д-р экон. наук, профессор

Ж.В. Савельева – д-р социол. наук, доцент

А.Р. Тузиков – д-р социол. наук, профессор

Ю.Р. Хайруллина – д-р социол. наук, профессор

Т.М. Шатунова – д-р филос. наук, профессор

М.Д. Щелкунов – д-р филос. наук, профессор

Howard Davis – PhD in Sociology, Professor at the Bangor University (United Kingdom)

Matsuzato Kimitaka – Doctor of Law, Professor at Hokkaido University (Japan)

Andrei P. Tsygankov – PhD in Political Science, Professor at San Francisco State University (USA)

Гаврильев Ч.Н. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕЧАТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СМИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	4
Минь Ю. СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ПРОДОЛЖЕНИЯ ПЕНСИОНЕРАМИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КИТАЕ И РОССИИ	10
Сергеева З.Х. МЕЖДУ ПАРТИЕЙ И ВЕРУЮЩИМИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В КАЗАНИ.....	17
Стекольников А.А. ОПЫТ УЧАСТИЯ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ЦЕНТРАХ СОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ УСТРОЙСТВУ, В РЕШЕНИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ВОПРОСОВ	21
Шевцов А.В. ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1989 г. В ОСВЕЩЕНИИ СОЦИОЛОГОВ	25
Шелест М.В. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИЧИН АБОРТОВ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР	29

Gavriliev Ch.N. TRANSFORMATION OF THE STATE PRESS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) IN THE YAKUT LANGUAGE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION	4
Min You. FAMILY AS A FACTOR OF CONTINUING LABOR ACTIVITIES BY PENSIONERS IN CHINA AND RUSSIA.....	10
Sergeeva Z. Kh. BETWEEN THE PARTY AND THE BELIEVERS: THE FIRST STEPS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY IN KAZAN	17
Stekolshchikova A.A. EXPERIENCE OF THE PARTICIPATION OF CHILDREN IN FAMILY ASSISTANCE CENTERS IN SOLVING EVERYDAY ISSUES.....	21
A.V. Shevcov. THE 1989 ELECTION CAMPAIGN IN THE COVERAGE OF SOCIOLOGISTS.....	25
Shelest M.V. REVIEW OF THE SCIENTIFIC LITERATURE ON THE CAUSES OF ABORTION.....	29

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПЕЧАТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СМИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ) НА ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.1.4-9

Аннотация. В статье автором исследована трансформация государственного печатного СМИ в Республике Саха (Якутия), а также процесс изменения медиапотребления аудитории в условиях цифровизации в отдельно взятом регионе Российской Федерации. Приводится опыт печатного издания на якутском языке по сохранению традиционной аудитории и работе в качестве Интернет СМИ, а также по приобретению новой аудитории в социальных сетях. Рассматриваются тенденции соотношения новых и традиционных медиа и даются рекомендации для органов государственной власти Республики Саха (Якутия) по сохранению и развитию СМИ на якутском языке. На основе данных социологического исследования о предпочтениях аудитории и сокращающихся тиражах печатных СМИ автором выдвигается предположение, что тенденция сокращения аудитории печатных СМИ, в том числе на якутском языке, будет продолжаться. Данное сокращение, несмотря на молодежную аудиторию в социальной сети, неминуемо повлечет за собой проблемы в вопросах сохранения самобытной культуры народа саха, развития литературы на якутском языке, социализации подрастающего поколения.

Ключевые слова: трансформация СМИ, цифровизация, новые медиа, медиапотребление, Республика Саха, Якутия, региональная информационная политика, государственные СМИ, этнические СМИ, национальная пресса.

Трансформации медиа и массовых коммуникаций в информационном обществе уделяется достаточное внимание со стороны ученых и журналистов. Вместе с тем недостаточно изучены вопросы трансформации этнических СМИ и прессы на национальных языках в цифровом медиaprостранстве. С одной стороны, трансформация этнических СМИ имеет схожие тенденции с глобальной цифровизацией медиаотрасли [1, с. 99-104], с другой стороны имеются, как нам кажется, свои особенности, связанные с цифровым неравенством, ограниченностью потребления информации в цифровом пространстве на языке этноса и двуязычием целевой аудитории медиа.

Язык саха (якутский язык) является государственным языком в Республике Саха (Якутия). Согласно статье 52 Конституции Республики Саха (Якутия) «обеспечивать сохранение и развитие его родного языка». В Якутии действует закон «О языках в Республике Саха (Якутия)».

Печатные издания на якутском языке в Республике Саха (Якутия) представлены республиканскими газетами

«Кыым», «Саха сирэ», «Туймаада», двуязычной газетой для ветеранов «Забота-Арчы», районными печатными изданиями, журналом «Далбар Хотун» для женщин, городской газетой «Киин куорат», газетой «Кэскил» для школьников, журналом «Чуораанчык» для детей дошкольного и школьного возраста.

В последние годы наблюдается сокращение аудитории печатных изданий. Снижение читательского спроса прессы подтверждается социологическим исследованием «СМИ и Интернет-ресурсы как канал формирования общественного мнения» и мониторингом, которое проводилось Национальным агентством «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)». Последнее исследование было проведено в марте-апреле 2019 года в форме массового анкетного опроса. В опросе приняли участие 10 650 человек. Полученные данные по основным статусным характеристикам, заложенным в выборку, распределились следующим образом (данные приведены в %-ном соотношении к данным по всему массиву): пол: мужчин – 47%, женщин –

53%; возраст: 18 - 30 лет – 30%; 30–45 лет – 31%; 46 – 60 лет – 28%; 61 и старше – 11%; по национальной принадлежности: русские – 42%; саха – 49%; малочисленные народы Севера – 4%; другие – 5%.

Согласно мониторингу, при сравнении с ранними исследованиями, проведенными по схожей выборке в период с 2010 года по 2019 год, наблюдается нисходящая динамика читателей периодической печати. По данным исследования, в 2019 году не читают прессу свыше половины опрошенных якутян, тогда как в 2010 году это число составляло 11%. Таким образом, за прошедшие десять лет читательская аудитория традиционных газет в Якутии сократилась на 40% [2]:

С появлением доступного интернета в районах (в городе Якутске широкополосный доступ появился в 2012 году) ежедневный выход газет с новостями утратил свою актуальность. Учитывая рост популярности интернет СМИ, которые намного оперативнее выдавали информацию, республиканские газеты «Якутия» и «Саха Сирэ» с пятиразового выхода в неделю в 2013 году перешли на еженедельный

выпуск. Переход ежедневных газет на одноразовый выход в неделю, а также снижение тиражей печатных изданий наблюдается также и в других регионах Российской Федерации, в частности в Республике Карелия [3] и в Республике Мордовия [4].

Тенденция снижения аудитории печатных СМИ в Якутии прослеживается также в сокращении тиражей республиканских изданий (количество общего тиража газет, разделенный на количество выпусков).

Тиражи газеты этнической газеты «Кыым» также упали в течение трех лет. С января 2013 года по январь 2016 года тиражи газеты сократились с 33325 до 23257 (на 30,2 %).

Учитывая сокращение читательской аудитории, для сохранения влияния государственных печатных СМИ на общественное мнение, учредителем изданий – Правительством Якутии - в конце 2012 года была инициирована трансформация республиканских печатных СМИ. Редакции самостоятельных газет «Якутия» (на русском языке), «Саха сирэ» (на якутском), а также Якутское-Саха Информационное агентство объединились в единый холдинг АО «Сахаме-

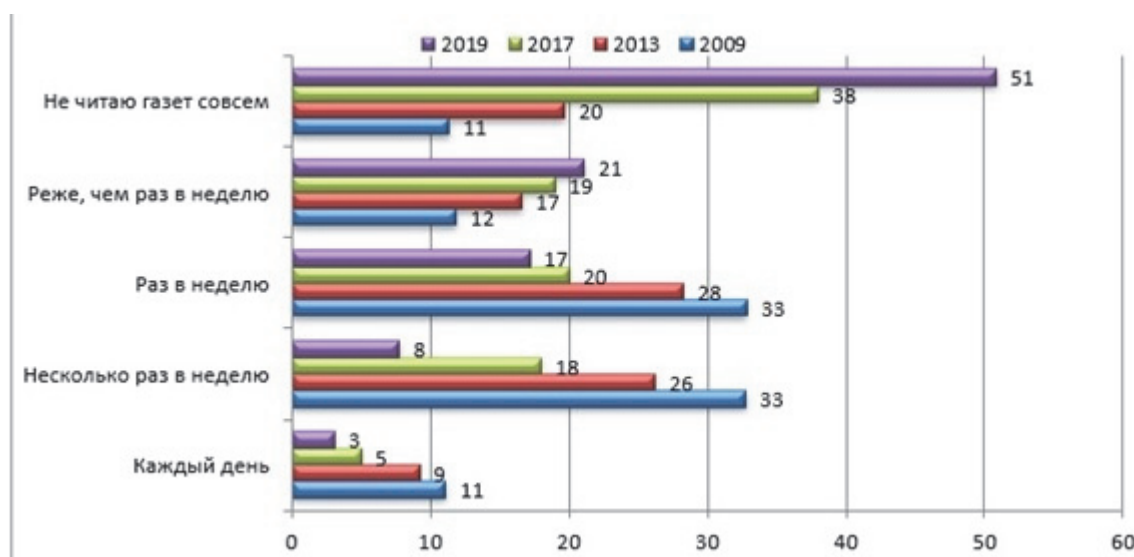

Рисунок 1. Активность читательской аудитории печатных СМИ, в %.
Ответ на вопрос: «Как часто Вы читаете газеты?»

Таблица 1

Среднеаразные тиражи государственных периодических изданий

Издания	2011	2012	2013	2014	2015*	2016
Газета «Якутия»	6515	7868	8009	7945	10174	9745
Изменение тиражей		20,70%	0,018	-0,70%	28%	-4%
Саха Сирэ	9831	9254	9780	9220	11024	10982
Изменение тиражей		-5,80%	5,70%	-5,70%	20%	
Динамика изменений тиражей других государственных СМИ, в т.ч улусных (городских)		1%	-0,075	-6,90%	-6,40%	

Рост обусловлен с учетом пятничного тиража, который направлялся в улусы (районы) совместно с районными газетами.

диа» в соответствии с Указом Президента Республики Саха (Якутия) «О мерах по развитию государственных средств массовой информации Республики Саха (Якутия)». Официальная пресса проигрывала конкурентную борьбу за аудиторию частным СМИ, постепенно снижался уровень доверия к государственным изданиям.

Интересно рассмотреть изменение рейтинга доверия к периодическим изданиям на якутском языке. Так, по уровню доверия в 2019 году первое место занимает газета «Кыым». Доверие к изданию «Саха Сирэ» и районным изданиям сократилось по сравнению с 2017 годом на 38 % [2] (табл. 2).

Показатели уровня доверия к газете «Кыым» несколько сократились и опустились до значений 2013 года. Необходимо подчеркнуть, что отслеживается повышение рейтинга газеты «Саха сирэ» в 2013 и в 2017 году. Считаем, что повышение рейтинга государственной газеты «Саха сирэ» связана с этапами концепции реформы государственных СМИ.

В связи с негативной тенденцией снижения подписки на республиканские газеты в августе 2016 года Главой Республики Саха (Якутия) был утвержден второй этап реформы государственных СМИ. Для изданий холдинга АО РИИХ

«Сахамедиа» был обозначен переход на бесплатное распространение государственных печатных СМИ – республиканских газет «Якутия» и «Саха сирэ». Со второй половины 2016 года до начала 2019 года республиканские государственные газеты распространялись бесплатно большим тиражом. Данный эксперимент был постепенно свернут из-за финансового состояния холдинга.

Возможный положительный эффект от реформ, проведенных в государственных печатных СМИ в 2013-2016 гг., показывает двойной рост популярности газеты «Саха сирэ» на якутском языке с 14 пунктов в 2011 году до 30 в 2017 году [2] (табл. 3).

В 2019 году среди газет на якутском языке первое место по популярности занимает газета «Кыым», далее идут районные газеты. Газета «Саха сирэ» занимает третью позицию.

Можно предположить, что увеличение бесплатных тиражей до 40 тыс. повлияло на рост популярности газеты «Саха сирэ» в 2017 году. В 2013 году возможной причиной роста популярности «Саха сирэ» стали - отказ от ежедневных выпусков и переход на еженедельный (более объемный) 40 страничный выпуск, а также перереформатирование контента.

Таблица 2

Рейтинг доверия периодическим изданиям среди читающих прессу на якутском языке, в %
Ответ на вопрос: «Информации каких газет Вы доверяете?»

Издания	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2013	2017	2019
Кыым	-	-	-	10	15	19	21	23	26	23
Саха Сирэ	33	31	25	31	21	22	18	20	27	17
Районные газеты	19	29	35	29	28	29	23	28	26	16
Туймаада	*	*	*	*	*	*	*	5	6	3
Киин куорат	*	*	*	*	*	*	*	*	3	2
Забота – Арчы	8	13	12	13	5	7	3	6	3	2
Ил Түмэн	4	5	4	5	4	4	3	3	3	2
Затрудняюсь ответить	*	*	*	*	*	*	*	*		31

* - на прошлом этапе мониторинга в списках не значились

Таблица 3

Рейтинг популярности газет среди читающих прессу, в %
Ответ на вопрос: «Какие газеты Вы чаще всего читаете?»

Издания	2009	2011	2013	2017	2019
Кыым	27	25	31	34	32
Районные газеты	39	34	43	38	27
Саха Сирэ	22	14	23	30	20
Туймаада	*	1	9	10	5
Забота-Арчы	5	6	7	5	4
Киин куорат	*	*	*	5	4
Ил Түмэн	3	2	4	3	2

* - на прошлых этапах мониторинга данное издание не отслеживалось

Государственные печатные СМИ в Республике Саха (Якутия) также начали открывать свои сайты в сети Интернет. В конце 2016 года редакция газеты «Саха сирэ» запустила свой сайт Edersaas.ru – первое интернет издание на якутском языке. Edersaas.ru не является копией печатного издания, а интернет изданием со своими основными признаками согласно Градюшко [5, с. 97–102]. Как было отмечено в концепции издания, целевая аудитория – городская и сельская интеллигенция, государственные и муниципальные служащие, менеджеры среднего звена, специалисты, руководители компаний, рабочие, домохозяйки, а также молодежь, студенты, старшеклассники. Сайт является информационным общественно-политическим изданием, рассчитанным на широкую читательскую аудиторию.

В начале 2017 года сайт вошел в топ-15 рейтинга в региональном сегменте и занял в пятое место после информационных на русском языке сайтов: Yktnews, ЯСИА, Сахалайф, Сахапресс. Несмотря на то, что название сайта переводится на русский язык как «молодость», согласно Яндекс.Метрике основным пользователем сайта являются читатели старше 55 лет. В среднем в день на сайт заходят 4200 пользователей. Можно предположить у сайта Edersaas.ru сложилась стабильная аудитория (рис. 2).

В социологическом исследовании отмечается, что можно говорить о доминировании интернет ресурсов над традиционными СМИ. В пользу выбора интернет источников выступают такие факторы как оперативность, возможность выбора из информационного контента определенной темы. Также отмечается, что ежедневная аудитория республиканских новостных сайтов с 2013 г. остается на одном уровне (13%).

При этом наблюдается рост пользователей социальной сети Инстаграмм. В 2019 году 60% участников опроса ответили, что пользуются данным приложением. Ранее

в 2017 году эту социальную сеть в качестве наиболее используемой социальной сети считали 38% опрошенных [2].

На страницу Edersaas.ru в Инстаграмме подписаны 54.4 тыс пользователей. Данные об этой аудитории свидетельствуют о росте интереса к контенту на якутском языке среди молодежи. Так, 65% подписчиков страницы молодое поколение в возрасте до 44 лет: 25–34 года – 35%, 34–44 лет – 30%.

Таким образом, принимая во внимание динамику сокращения тиражей печатных изданий, а также учитывая результаты вышеназванного социологического исследования, тенденцию роста пользователей в социальной сети Инстаграм, можно прийти к следующим выводам:

Во-первых, в Республике Саха (Якутия) сохраняется традиционное медиапотребление связанное с цифровым неравенством аудитории. В Арктической части Якутии, а также в отдаленных населенных пунктах имеется только спутниковый интернет с низкой скоростью и высокими расценками за предоставляемые услуги. Данная аудитория не может широко использовать современные информационные технологии и обмениваться данными в социальных сетях.

Во-вторых, аудитория печатных СМИ в Республике Саха (Якутия) сокращается, как и в других субъектах РФ. При этом этнический фактор особо не играет роли в части традиционного медиапотребления.

В-третьих, отмечается относительная стабильность аудитории республиканских интернет СМИ. Аудитория печатных СМИ все больше переходит в интернет и социальные сети. Так, основным пользователями сайта Edersaas.ru являются люди старше 55 лет, которые ранее читали печатные издания. Контент на якутском языке в интернете читают в основном представители старшей возрастной группы.

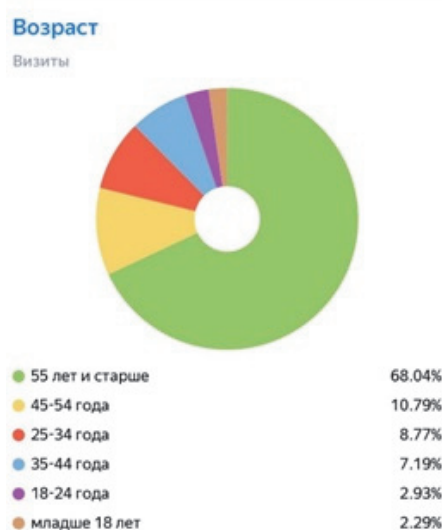

Рисунок 2. Аудитория сайта Edersaas.ru по данным Яндекс. Метрика на ноябрь 2021 года

В-четвертых, несмотря на относительную стабильность аудитории в интернете, а также сокращение читателей печатных газет, количество подписчиков страницы в Instagram Edersaas.ru достигло 54,4 тыс., что свидетельствует о том, что адаптированный под социальные сети контент на якутском языке может стать востребованным среди молодого поколения. Необходимо изучить потребность более молодой аудитории на информацию на якутском языке в сети Интернет, в частности в социальных сетях.

Таким образом, подтверждается тезис выдвинутый Якимовым О.Д. в 2012 году, о том, что существующая структура СМИ не останется неизменной. «Производство контента не ограничится традиционной печатной продукцией, а потребует новых носителей информации. Следовательно, перед журналистским сообществом и теми, кто формирует в регионе информационную политику в качестве важнейшей задачи, возникает необходимость поиска оптимального сочетания печатных, онлайн-овых и Интернет изданий, то есть традиционных и новых средств массовой информации» [1, с. 103]. Аргыловым Н.А. был сделан вывод, что в условиях стагнации печатного рынка, для государственно-го, так и для частного секторов медиарынка Якутии принимаются скорее меры по «выживанию» медиа, нежели по инвестированию в их развитие [6]. Трансформация печатного государственного СМИ на якутском языке подтверждает выводы А. Гладковой и Ю. Мкртычевой по итогам экспертного опроса о том, что «этнические СМИ активно осваивают новые онлайн-платформы, стремятся расширить свою аудиторию в Интернете, в том числе за счет более активного присутствия в социальных сетях». [7, с. 47].

Как показывают социологическое исследование и сокращающиеся тиражи, тенденция сокращения аудитории печатных СМИ, в том числе на якутском языке, будет продолжаться. Медиапотребление в интернете останется стабильным. При этом считаем, что возможен некоторый рост читательской аудитории в социальной сети за счет молодой аудитории при создании качественного и востребованного контента в данной сфере коммуникации.

Государству как основному актору общественных отношений и учредителю государственных СМИ необходимо постараться вернуть уровень доверия к официальным СМИ.

Учитывая положительный опыт роста доверия при больших тиражах возможно предложить комбинированный вариант распространения печатных изданий, когда часть распространяется бесплатно, а часть – в виде подписки.

Необходимо пересмотреть параметры государственного заказа и субсидирования социально-значимых печатных СМИ. В настоящее время большая часть субсидирования направляется на покрытие части затрат на создание печатного экземпляра продукции. Представляется возможным создать новый механизм субсидирования размещения официальной информации на сайте и (или) в социальных сетях.

С учетом имеющейся аудитории предлагается перенастроить контент сайта Edersaas.ru на более возрастное поколение. Далее предлагается развивать страницу Instagram на базе Edersaas.ru, который должен создавать совершенно иной востребованный контент для более молодой аудитории.

Постепенное сокращение получаемой информации на якутском языке из различных медиа, старение аудитории традиционных печатных СМИ, несомненно, повлечет за собой проблемы в вопросах сохранения самобытной культуры народа саха, развития литературы на якутском языке, социализации подрастающего поколения. В связи с этим представляется, что для сохранения и развития государственного языка в Республике Саха (Якутия) власти должны оказывать всемерную поддержку всем СМИ на якутском языке, т.к. конкуренция, как нам кажется, возникает не только среди сахаязычной прессы, например, между сахаязычными редакциями «Саха сирэ» и «Кыым», но и с другими источниками информации как телевидение, Интернет СМИ и социальные сети. Конкуренция углубляется также двуязычным информационным медиапотреблением, когда аудитория этнических СМИ, сможет удовлетворить свои потребности из других русскоязычных интернет медиа, постепенно отказываясь от сахаязычного контента. При этом необходимо подчеркнуть, что проблема двуязычного медиапотребления в цифровом пространстве, его влияния на выбор аудитории СМИ недостаточно изучены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якимов О.Д. Трансформация медиасистемы Республики Саха (Якутия) в условиях глобализации // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. 2012. – № 2. – Т. 9. – С. 99–104.
2. Отчет по материалам социологического исследования «СМИ и Интернет-ресурсы как канал формирования общественного мнения», Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия), Якутск, 2019.
3. Pietilaynen J., The regional newspaper in Post-Soviet Russia. Society, Press and Journalism in the Republic of Karelia 1985-2001: Media Studies: October 5 th, 2002.- University of Tampere, 2002. – 532, p. 123–126.
4. Дементьева К. В. Особенности медиарынка Республики Мордовия: исторический ракурс (2000–2010 гг.) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. – № 4 (38). – С. 184–185.

5. Градюшко А.А. Трансформация традиционных СМИ на платформе новейших технологий // Вестник Вицебскаша Дзяржаўнага Універсітэта. 2007 г. С.97-102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23860254> (дата обращения: 27.11.2021).
6. Аргылов Н.А. Медиа-система Республики Саха (Якутия) в условиях глокализации // Медиа-скоп. 2016. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2149> (дата обращения: 27.11.2021).
7. Гладкова А., Мкртычева Ю. Этнические СМИ в условиях цифровой среды: итоги экспертного опроса // Медиа альманах. 2021. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-smi-v-usloviyah-tsifrovoy-sredy-itogi-ekspertnogo-oprosa/viewer> (дата обращения: 27.11.2021).

Информация об авторе

Гаврильев Чокуур Николаевич, старший преподаватель кафедры журналистики, аспирант кафедры социологии финансово-экономического института, Северо-восточный федеральный университет имени М.К.Аммосова.
E-mail: chokuur@mail.ru

Gavriliev Ch.N.

TRANSFORMATION OF THE STATE PRESS OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA) IN THE YAKUT LANGUAGE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Abstract. In the article, the author studied the transformation of the state press in the Republic of Sakha (Yakutia), as well as the process of changing media consumption of the audience in the context of digitalization in a particular region of the Russian Federation. In the article observed the experience of a print media in the Yakut language to preserve the traditional audience and its work as an Internet media, as well as to acquire a new audience in the social media. The trends in the ratio of new and traditional media are considered and recommendations are given for public authorities.

Based on the data of a sociological study about the preferences of the audience and according to the declining circulation of print media, the author suggests that the trend of reducing the audience of print media, including in the Yakut language, will continue. This reduction, despite the growth of the readership in the social media due to the youth audience, will inevitably lead to problems in preserving the original culture of the Sakha people, developing literature in the Yakut language, and socializing the younger generation.

Keywords: Media transformation, digitalization, new media, media consumption, the Republic of Sakha, Yakutia, regional information policy, state media, ethnic media, national press.

Literature

1. Yakimov O.D. Transformation of the media system of the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of globalization // Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. 2012. – No. 2. V. 9. – S. 99–104.
2. Report based on the materials of the sociological study "Mass Media and Internet Resources as a Channel for Forming Public Opinion", National Agency "Information Center under the Head of the Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, 2019.
3. Pietilaynen J., The regional newspaper in Post-Soviet Russia. Society, Press and Journalism in the Republic of Karelia 1985-2001: Media Studies: October 5 th, 2002.- University of Tampere, 2002. – 532, p. 123–126.
4. Dementieva K. V. Features of the media market of the Republic of Mordovia: historical perspective (2000–2010) // Sign: problematic field of media education. 2020. – No. 4 (38). – pp. 184–185.
5. Gradyushko A.A., Transformation of traditional media on the platform of the latest technologies // Bulletin of Vicebska Dzyarzhauuna University. 2007, p.97-102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23860254> (date of access: 11/27/2021).
6. Argylov N.A. Media system of the Republic of Sakha (Yakutia) in the context of glocalization // Mediascope. 2016. Issue. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/?q=node/2149> (date of access: 11/27/2021).
7. Gladkova A., Mkrtycheva Yu. Ethnic media in a digital environment: results of an expert survey // Media Almanac. 2021. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-smi-v-usloviyah-tifrovoy-sredy-itogi-ekspertnogo-oprosa/viewer> (date of access: 11/27/2021).

Author

Gavriliev Chokuur Nikolaevich, Senior Lecturer, Department of Journalism, Postgraduate Student, Department of Sociology, Financial and Economic Institute, North-Eastern Federal University.
E-mail: chokuur@mail.ru

СЕМЬЯ КАК ФАКТОР ПРОДОЛЖЕНИЯ ПЕНСИОНЕРАМИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КИТАЕ И РОССИИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.1.10-16

Аннотация. В статье автором исследована роль семьи в качестве фактора продолжения пенсионерами трудовой деятельности. Теоретической основой, позволяющей рассматривать семью в качестве фактора принятия пенсионерами решения продолжать работать, выступает концепция межпоколенческих трансфертов. Она предполагает, что в семье старшие и молодые поколения добровольно оказывают друг другу материальную помощь. Проводится сравнение межпоколенческих трансфертов с участием работающих и неработающих пенсионеров в России и Китае. На основе результатов социологического исследования установлено, что в России и Китае доминирует модель межпоколенческих трансфертов, которая предполагает помощь работающих пенсионеров – детям и внукам. При этом данная модель реализуется в разных формах. В России работающие пенсионеры непосредственно поддерживают детей и внуков, оказывая им материальную помощь. В свою очередь, китайские пенсионеры стремятся снизить экономическую «нагрузку» на молодые поколения, продолжая работать и самостоятельно обеспечивать себя. Подобная модель реализуется в расширенных семьях. Реципиентами помощи выступают преимущественно неработающие пенсионеры, проживающие отдельно от детей и внуков.

Ключевые слова: семья, пенсионеры, занятость, Россия, Китай.

Введение

Называя аргументы против повышения пенсионного возраста, россияне указывают необходимость заниматься семьей: растить внуков, оказывать помощь нетрудоспособным родственникам старшего возраста. Особенно часто подобное объяснение отказа от продолжения трудовой деятельности на пенсии приводят женщины [1].

В связи с этим актуальным представляется поиск ответа на вопрос о роли семьи в принятии решения пенсионером продолжить трудовую деятельность.

Теоретические основания для анализа роли семьи в принятии пенсионером решения продолжить работать после выхода на пенсию создают исследования, в которых раскрываются общественные и индивидуальные функции, закрепленные за институтом семьи в экономической сфере семейной деятельности. Так, Т.А. Гурко связывает общественные функции семьи в экономической сфере ее деятельности с экономической «поддержкой несовершеннолетних и нетрудоспособных членов общества» [2, с. 58]. В свою очередь, индивидуальные функции связаны с «получением материальных средств одними членами семьи от

других в случае нетрудоспособности или обмена за услуги» [2, с. 58].

Фактически, институт семьи создает основу для осуществления так называемых «межпоколенческих трансфертов», под которыми А.В. Сурков понимает «добровольную передачу материальных благ от индивидов к их совершеннолетним родственникам, принадлежащим к другому поколению» [3].

В контексте рассматриваемой проблемы можем описать следующие межпоколенческие трансферты, в которые вовлечены пенсионеры. С одной стороны, они могут выступить в качестве реципиентов финансовой помощи от своих работающих детей. С другой стороны, они сами могут выступить «донорами» и оказывать материальную помощь своим неработающим совершеннолетним детям или внукам.

От чего зависит выбор модели реализации «межпоколенческих трансфертов» с участием пенсионеров в их семьях?

Ответим на поставленный вопрос на основе анализа результатов авторского социологического исследования,

направленного на изучение структуры занятости пенсионеров Китая и России.

Условия для возникновения межпоколенческих трансфертов в Китае и в России

Проблему занятости пенсионеров в Китае необходимо рассматривать в контексте проводимой с 1979 г. социально-демографической политики «одна семья – один ребенок».

Действующие на протяжении нескольких десятилетий ограничения на количество детей в китайских семьях привели к тому, что в Китае получила распространение модель семьи «4-2-1», в которой один ребенок, став взрослым, вынужден заботиться о двух своих родителях и четырех бабушках и дедушках [4, с. 27]. Можем ожидать, что подобная структура семьи создает условия для распространения модели межпоколенческих трансфертов второго типа, когда пожилые родственники выступают в качестве доноров помощи для своих детей.

Вместе с тем, закрепленная Конституцией КНР традиционная модель построения отношений в семье, которая предполагает участие детей в обеспечении старости родителей, создает основания для распространения модели межпоколенческих трансфертов первого типа, когда пенсионеры выступают в качестве реципиентов материальной помощи от молодых родственников.

Обзор результатов социологических исследований современных китайских ученых позволяет сделать вывод, что «традиция “заботиться о стариках” сегодня превратилась в модель “жить за счёт родителей”» [5, с. 48].

Исследователи Се Яру и Ван Вэнь полагают, что возраст и пол детей оказывают существенное влияние на решение о трудоустройстве пенсионеров-женщин. Чем старше дети, тем выше среди них доля сыновей и тем ниже вероятность продолжения женщинами трудовой деятельности. Причина может заключаться в том, что пожилые женщины берут на себя ответственность по воспитанию внуков [6, с. 23].

В свою очередь, Юй Ли, Ма Лиюань и Инь Сюньдун пришли к выводу, что уровень трудоустройства пенсионеров положительно коррелируют с количеством детей в семье [5, с. 26]. Иначе говоря, чем больше детей в семье, тем выше доля межпоколенческих трансфертов от детей к пожилым родителям, и, соответственно, тем ниже мотивация последних продолжить трудовую деятельность после выхода на пенсию.

Вместе с тем, эти же исследователи отметили, что дети не спешат оказывать помощь родителям в силу того, что им самим приходится решать материальные проблемы, связанные, например, с необходимостью приобретать жилье.

Вместе с ростом доходов населения наблюдается и рост цен на жилую недвижимость в городах. В результате – возрастает финансовая нагрузка на молодых членов семьи. Данное обстоятельство приводит к тому, что дети не только не оказывают материальную помощь своим родителям, но и становятся реципиентами помощи. В результате пенсионеры, имеющие детей, продолжают работать, чтобы ослабить финансовую нагрузку на молодые поколения семьи [5, с. 26].

Ли Цинь и Пэн Хаоран исследовали мотивацию к продолжению трудовой деятельности у одиноких пенсионеров. Они показали, что овдовевшие пенсионеры не склонны прекращать трудовую деятельность. Вдовство означает потерю пенсионного обеспечения супруга и снижение дохода, а значит – склонность к продолжительной трудовой деятельности [7, с. 126].

Обобщая результаты краткого обзора исследований китайских ученых, можем сделать вывод, что традиции института семьи в китайском обществе и трансформация структуры семьи вследствие проводимой социально-демографической политики создают условия для реализации разнообразных моделей межпоколенческих трансфертов. На фоне расширения трансфертов, в которых молодые поколения семьи выступают реципиентами помощи от старших поколений, сохраняется и модель, согласно которой молодые поколения заботятся о благополучии пожилых членов семьи.

В свою очередь, россияне рассматривают членов семьи в качестве источника оказания помощи. Так, по данным опроса Фонда Общественное мнение, 88% опрошенных полагают, что если они заболеют и им потребуется финансовая или иная помощь, то ее окажут родственники [8]. Кроме того, удалось выявить возрастные различия в ожиданиях относительно получения помощи от родственников в условиях экономических трудностей. Поддержку родственников чаще ощущали респонденты 18-24 лет (79%). Реже других возрастных групп поддержку родственников ощущают представители группы старше 60 лет (53%). Одновременно они чаще других отмечают отсутствие какой бы то ни было поддержки (13%). При этом респонденты 35-44 лет полагают, что именно они оказывают помощь другим членам семьи, нежели получают ее (20%) [9].

Представленные результаты позволяют сделать вывод, что в России в отношениях с пенсионерами реже реализуется модель межпоколенческих трансфертов, которая предполагает оказание помощи пожилым членам семьи представителями молодых поколений. Вероятней всего, реализуется вторая модель, когда старшие поколения, в том числе, пенсионеры, выступают в качестве «доноров» материальной помощи для самых молодых поколений семьи. Не ожидая получить помощь от молодых родствен-

ников и сами выступая источником помощи, пенсионеры вынуждены продолжать трудовую деятельность.

Таким образом, обзор эмпирических социологических исследований, проведенных в Китае и в России, позволяет сформулировать гипотезу о моделях межпоколенных трансфертов с участием пенсионеров. В Китае более широкое распространение получает модель, предполагающая оказание старшим поколениям помощи молодыми поколениями семьи. В свою очередь в России более распространена другая модель, которая подразумевает, что старшие поколения поддерживают молодых членов семьи. Как следствие, в Китае помощь молодых родственников рассматривается пенсионерами в качестве источника дохода и позволяет отказаться от продолжения трудовой деятельности. В России необходимость поддерживать молодых членов семьи мотивирует пенсионеров продолжать работать.

Описание методики исследования

С целью проверки сформулированных предположений проанализированы результаты социологического исследования структуры занятости пенсионеров Китая, проведенного в период с 13.01.2021 по 04.02.2021 методом анкетирования.

В частности, рассмотрены ответы на вопросы о намерении продолжить или завершить трудовую деятельность, мотивах принятых решений, структуре доходов на пенсии. Анализируется выбор траектории занятости пенсионеров в зависимости от того, в какой семье живет пенсионер: в расширенной семье, в семье со своим супругом или супругой, или живет один.

В качестве респондентов выступили пенсионеры Китая, проживающие в провинции Хэйлунцзян. В исследовании применена квотная выборка. Всего для описания занятости китайских пенсионеров в провинции Хэйлунцзян опрошено 1137 респондентов: 571 мужчина (50,2%) и 566 женщин (49,8%).

Для проведения сравнительного исследования использованы результаты авторского социологического исследования – анкетирования пенсионеров, проведенного в период 15.02.2021 по 10.03.2021. Респонденты отвечали на те же вопросы анкеты, что и китайские респонденты. Опрошены 282 человека: из них 105 мужчин (37,2%) и 177 женщин (62,8%). Квоты определены с учетом численности мужчин на 1000 женщин в возрастных группах 55–59 лет, 60–64 года, 65–69 лет и старше 70 лет [10].

Сбор первичных социологических данных в Китае проведен дистанционно посредством программы для онлайн-опросов «Wenjuanxing» с помощью мобильного приложения WeChat. Российские респонденты опрошены в ходе очного индивидуального анкетирования. Математи-

ко-статистическая обработка данных опроса выполнена с помощью программы IBM SPSS Statistics 26.

Полученные результаты и их обсуждение

В Китае занятость респондентов связана с со структурой семей, в которых они проживают.

Среди опрошенных 34,7% проживают в расширенных семьях – с детьми, внуками или другими родственниками; 53,5% – проживают только с мужем или женой; 11,9% респондентов – одиноки. Таким образом, большинство китайских пенсионеров проживают отдельно от молодых поколений своей семьи.

Сравнение доли работающих пенсионеров в каждой из трех групп респондентов позволяет заметить, что самое большое количество работающих пенсионеров отмечается среди тех, кто живет в расширенных семьях (28,7%). В свою очередь, среди респондентов, которые живут одни или вместе с супругами, доля занятых составляет 22,2% и 21,8% соответственно. Различия достигают уровня статистической значимости и позволяют опровергнуть гипотезу об отсутствии связи между исследуемыми переменными: критерий $\chi^2_{df=2} = 6,947$; $p = 0,031$.

Обобщая полученные результаты, можем сделать вывод, что в Китае продолжают работать пенсионеры, которые проживают вместе с молодыми поколениями семьи. В данном случае вероятней всего реализуется модель межпоколенческих трансфертов, предполагающая оказание пенсионерами экономической помощи детям и внукам.

Среди российских пенсионеров нет статистически значимых различий в готовности продолжить трудовую деятельность после выхода на пенсию в зависимости от структуры их семьи. Вместе с тем, чаще работают респонденты, проживающие в расширенных семьях (49,1%). Доля работающих среди других категорий респондентов последовательно уменьшается и достигает 42,0% среди респондентов, которые проживают только с супругами, и 39,7% среди респондентов, которые живут одни.

Уточнение связи с учетом фактора пола позволяет заметить, что среди респондентов-мужчин самая большая доля занятых наблюдается среди тех, кто живет в расширенных семьях (66,7%), доля занятых мужчин в других типах семей примерно одинаковая: примерно треть опрошенных мужчин, проживающих только со супругой (34,2%) и одиноких (35,3%) продолжают работать, будучи пенсионерами. В свою очередь, среди респондентов-женщин самая большая доля работающих пенсионеров наблюдается среди тех, кто проживает только с супругом (48,8%). Для сравнения: доля работающих женщин-пенсионеров, проживающих в расширенных семьях, составляет 44,4%.

Сравнение результатов, полученных в Китае и в России, позволяет сделать вывод, что после выхода на пенсию склонны продолжать трудовую деятельность пенсионеры, живущие в многопоколенных семьях. Тем самым они стремятся снизить экономическую нагрузку на своих детей и внуков. Подобные результаты служат аргументом в пользу участия пенсионеров обеих стран в межпоколенческих трансфертах, предполагающих оказание ими помощи молодым поколениям семьи.

Для выявления доминирующей модели межпоколенческих трансфертов с участием пенсионеров в России и Китае проанализируем ответы респондентов на два вопроса: о мотивах продолжить трудовую деятельность после выхода на пенсию или отказа от нее и о структуре доходов работающих и не работающих пенсионеров. Ответы на первый вопрос позволяют определить значимость оказания помощи детям и другим родственникам в качестве мотива продолжения трудовой деятельности и следовательно, раскрыть роль пенсионеров в качестве «доноров» помощи. В свою очередь, вопрос о структуре доходов позволяет рассмотреть пенсионеров в качестве «реципиентов» помощи от своих детей и других родственников. Уточним вывод о преобладании одной или другой модели в зависимости от структуры семьи, в которой проживает пенсионер, пола респондентов, а также – места их проживания (город или сельская местность).

Начнем с анализа мотивов китайских и российских пенсионеров продолжить трудовую деятельность.

Частота упоминания респондентами мотива оказать помощь детям или другим родственникам существенно выше среди российских пенсионеров. В частности, у россиян данный мотив следует вторым по частоте упоминания после маленьких размеров пенсии. Исключение составляют одинокие пенсионеры, у которых он находится на четвертом месте по частоте упоминания. В свою очередь, у китайских пенсионеров у всех категорий респондентов он занимает третье место. Однако по частоте упоминания он существенно уступает место двум другим мотивам – стремлению сделать сбережения на будущее и увеличить за счет заработной платы получаемую в данный момент маленькую пенсию.

Частота данного мотива выше у респондентов, проживающих в расширенных семьях: его отмечают 60% опрошенных российских и 33,3% китайских пенсионеров. Однако его значимость высока и для респондентов, которые живут только с супругами (55,2% и 26,7% соответственно) или одни (50% и 33,3%).

Частота упоминания данного мотива продолжения трудовой деятельности выше у российских городских пенсионеров (63,1%), чем сельских пенсионеров (38,2%). В свою очередь, у китайских пенсионеров частота упоминания

мотива продолжения трудовой деятельности для оказания помощи детям и другим членам семьи выше у сельских жителей (39,7%), нежели у городских (26,9%).

Полученные результаты позволяют уточнить сделанный ранее вывод о доминирующей в России и Китае модели межпоколенческих трансфертов, предполагающей оказание пенсионерами материальной помощи молодым поколениям. В двух странах она реализуется по-разному. В то время как в России пенсионеры продолжают работать, чтобы непосредственно оказывать помощь молодым поколениям своих семей (данный мотив чаще упоминается респондентами, живущими в расширенных семьях), то китайские пенсионеры продолжают работать, чтобы снять (или существенно облегчить) со своих детей необходимость заботиться о старших поколениях семьи.

При этом реализация паттерна оказания помощи зависит в том числе от места проживания пенсионеров. В то время как российские социологи отмечают факт увеличения доли расширенных (межпоколенных) домохозяйств [11, с. 100], в том числе, в городах, в Китае в городах все чаще представители старшего поколения проживают отдельно от молодых членов семьи [12], что снижает возможность оказывать помощь.

Феномен разрушения многопоколенных семей в Китае иначе проявляется в сельской местности. Молодые родственники переезжают в города, в то время как бабушки и дедушки берут на себя заботу о внуках [12]. Однако в данном случае речь уже идет об оказании не материальной помощи молодым поколениям семьи, а создании благоприятных условий для построения профессиональной карьеры и самостоятельного заработка. Представляя молодым поколениям подобную возможность, пенсионеры вынуждены отказываться от продолжения трудовой деятельности.

Анализ мотивов отказа от продолжения трудовой деятельности у китайских пенсионеров позволяет заметить, что необходимость растить внуков или ухаживать за больными родственниками как основание для прекращения трудовой деятельности – второе по частоте упоминания. При этом чаще других (48,6%) его называют пенсионеры, проживающие одни. Для городских пенсионеров – это первая по частоте упоминания причина завершения трудовой деятельности; для сельских – вторая.

У российских пенсионеров прекращение трудовой деятельности вследствие необходимости помогать растить внуков или ухаживать за больными родственниками – третья по частоте упоминания после проблем со здоровьем и потребностью в отдыхе. Чаще других ее называют пенсионеры, проживающие с супругами (25,9%) и в расширенных семьях (23,8%), нежели живущие одни (9,1%); городские (23,1%), нежели сельские (19,4%) пенсионеры.

Рассмотрим особенности реализации модели межпоколенческих трансфертов, предполагающей, что пенсионеры выступают в качестве реципиентов помощи, проанализировав структуру доходов российских и китайских пенсионеров, а именно: материальную помощь родственников как источник дохода работающих и не работающих пенсионеров.

Структура семьи, в которой проживет пенсионер, выступает фактором структуры дохода работающих и неработающих пенсионеров Китая и России.

Работающие пенсионеры в Китае, независимо от структуры семьи, называют в качестве источников дохода пенсию и зарплату по основному месту работы и совместительству. Помощь родственников упоминается менее чем в 13% ответов. При этом чаще всего на такую помощь ссылаются работающие пенсионеры, проживающие только со своими супругами.

В свою очередь структура доходов работающих российских пенсионеров складывается из трех источников: пенсии, заработной платы и снабжения дополнительными продуктами питания с дачи, огорода, подсобного хозяйства. При этом респонденты не рассматривают в качестве ключевого источника доходов помощь родственников. Особенно редко помощь родственников как источник дохода рассматривают пенсионеры, живущие в расширенных семьях (3,6%). Несколько чаще данный источник доходов называют пенсионеры, живущие только с супругами (4,5) или одни (12%).

Важно отметить, что среди российских респондентов данный источник дохода отметили только городские жители; сельские – ни разу не выбрали данный вариант ответа. В свою очередь, среди китайских работающих пенсионеров помощь родственников в качестве источника дохода чаще других отмечают сельские пенсионеры, проживающие в расширенных семьях (25%). Для сравнения: доля упоминания помощи родственников в качестве источника дохода называют 8,6% городских работающих пенсионеров.

Таким образом, с точки зрения работающих пенсионеров другие члены семьи выступают скорее как потребители, нежели как «доноры» помощи.

Неработающие китайские пенсионеры в качестве источников дохода называют пенсию и помощь родственников. При этом помощь родственников чаще отмечают респонденты, которые проживают в расширенной семье (17,2%). Для сравнения: только 11,5% респондентов, которые проживают только с супругами, отмечают помощь родственников в качестве источника доходов на пенсии.

В свою очередь структура доходов неработающих российских пенсионеров включает пенсию и снабжение дополнительными продуктами с дач, огородов, подсобных хозяйств. При этом помощь родственников в качестве источника доходов рассматривают пенсионеры, живущие одни (21,1%) и в расширенных семьях (17,2%). Реже всего помощь родственников рассматривается пенсионерами, живущими только с мужем или женой (13,8%).

Значимость данного источника дохода отмечают как городские, так и сельские неработающие российские пенсионеры, проживающие в расширенных семьях. Такая же тенденция прослеживается и в ответах китайских респондентов.

Несмотря на то, что помощь родственников как источник доходов неработающие пенсионеры двух стран рассматривают чаще, чем работающие пенсионеры, тем не менее оказание помощи распространяется скорее в направлении от пенсионеров к молодым поколениям семьи, нежели наоборот. При этом в России отмеченная тенденция выражена ярче.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что в России и Китае реализуются модели межпоколенческих трансфертов, которые предполагают как помощь молодых поколений семьи – старшим, так и помощь пожилых родственников – детям и внукам. При этом вторая модель доминирует, но реализуется в разных формах. В России работающие пенсионеры непосредственно поддерживают детей и внуков, оказывая им материальную помощь. В свою очередь, китайские пенсионеры стремятся снизить экономическую «нагрузку» на молодые поколения, продолжая работать и самостоятельно обеспечивать себя. Подобная модель реализуется в расширенных семьях.

В отношении пенсионеров реализуется и другая модель, когда они выступают в качестве реципиентов помощи от молодых поколений. Она осуществляется преимущественно по отношению к неработающим пенсионерам, проживающим отдельно от детей и внуков.

Наблюдаются особенности межпоколенческих трансфертов с участием городских и сельских пенсионеров. Однако они в конечном счете обусловлены спецификой структуры сельских и городских домохозяйств в России и в Китае.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О пенсионном возрасте и отношении к идее его повысить. Представления россиян о причинах повышения пенсионного возраста и отношение к этой идее. 4 июня 2018 г. – URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14043> (дата обращения 18.12.2021)
2. Гурко Т.А. Теоретические подходы к изучению семьи. М.: Институт социологии РАН, 2016. – 210 с.
3. Сурков А.В. Пенсионная реформа и межпоколенческий альтруизм в моделях экономической динамики // Демоскоп Weekly. – 2012. – № 521–522. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0521/analit02.php> (дата обращения 18.12.2021)
4. Ke Meng. China's Pension Reforms. Political Institutions, Skill Formation and Pension Policy in China. London, NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2019. – 262 p.
5. 于丽, 马丽媛, 尹训东等. 养老还是“啃老”?—基于中国城市老年人的再就业研究 // 劳动经济研. – 2016. – № 5. (Юй Ли, Ма Лиюань, Инь Сюньдун и др. Обеспечение пожилых людей или «грызть стариков»? – Основано на исследовании повторной занятости китайских пожилых людей в городах // Исследование экономики труда. – 2016. – № 5. – С. 24–54.)
6. 谢雅如, 汪雯 · 陈建成. 代际关系对老年人就业决策的影响研究 // 生产力研究. – 2021. – № 9 (Се Яру, Ван Вэнь, Чэнь Цзяньчэн. Исследование о влиянии отношений между поколениями на решения пожилых людей о трудоустройстве // Исследования производительности. – 2021. – № 9. – С. 19–25).
7. 李琴, 彭浩然. 谁更愿意延迟退休? - 中国城镇中老年人延迟退休意愿的影响因素分析 // 公共管理学报. – 2015. – № 2. (Ли Цинь, Пэн Хаорань. Кто более склонен откладывать выход на пенсию? – Анализ факторов, влияющих на готовность городских жителей среднего и пожилого возраста откладывать выход на пенсию // Журнал государственного управления. – 2015. – № 2. – С. 119–128.)
8. На чью помощь рассчитывают взрослые люди? От кого ждут помощи люди в случае болезни или других непредвиденных обстоятельств? 2016. 26 июля – URL: <https://fom.ru/TSennosti/12766> (дата обращения 18.12.2021)
9. Семья на фоне кризиса. 18 мая 2009. // ВЦИОМ – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-na-fone-krizisa> (дата обращения 18.12.2021)
10. Число женщин на 1000 мужчин соответствующей возрастной группы // Федеральная служба государственной статистики – URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FsiHjOJdZ%2Fdemo15.xls&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения 26.01.2022)
11. Гурко Т.А. Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. – 2017. – № 11. – С. 99–110
12. Почагина О.В. Социокультурные и социопсихологические аспекты старения населения КНР // Демоскоп Weekly. – 2003. – № 131–132. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0131/analit07.php> (дата обращения 28.01.2022)

Информация об авторе

Минь Ю, ассистент кафедры социологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, кафедра социологии.

E-mail: 261747567@qq.com

Min You

FAMILY AS A FACTOR OF CONTINUING LABOR ACTIVITIES BY PENSIONERS IN CHINA AND RUSSIA

Abstract. In the article, the author investigates the role of the family as a factor in the continuation of work by pensioners. The concept of intergenerational transfers is the theoretical basis for considering the family as a factor in the decision to continue working by retirees. The author assumes that in the family the older and younger generations voluntarily provide each other with material assistance. A comparison is made of intergenerational transfers involving working and non-working pensioners in Russia and China. Based on the results of a sociological study, it has been established that in Russia and China the intergenerational transfer model dominates, which involves the assistance of working pensioners - children and grandchildren. Moreover, this model is implemented in different forms. Working pensioners in Russia directly support their children and grandchildren by providing them with material assistance. In turn, Chinese retirees seek to reduce the economic "burden" on the younger generations by continuing to work and self-supporting. A similar model is being implemented in extended families. The recipients of aid are mostly non-working pensioners who live separately from their children and grandchildren.

Keywords: family, pensioners, employment, Russia, China.

Literature

1. About the retirement age and the attitude towards the idea of raising it. Russians' views on the reasons for raising the retirement age and their attitude to this idea. June 4, 2018 – URL: <https://fom.ru/Ekonomika/14043> (date of access: December 18, 2021)
2. Gurko T.A. Theoretical approaches to the study of the family. M.: Moscow: Institute of Sociology RAS, 2016. – 210 p.
3. Surkov A.V. Pension reform and intergenerational altruism in models of economic dynamics // Demoscope Weekly. – 2012. – No. 521–522. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0521/analit02.php> (date of access 12/18/2021)
4. Ke Meng. China's Pension Reforms. Political Institutions, Skill Formation and Pension Policy in China. London, NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2019. – 262 p.
5. Yu Li, Ma Liyuan, Yin Xundong et al. Provision of the elderly or "gnawing the elderly"? — Based on a study of re-employment of Chinese elderly people in cities // Labor Economics Research. – 2016. – No. 5. – P. 24–54.
6. Xie Yaru, Wang Wen, Chen Jiancheng. Study on the influence of intergenerational relations on the employment decisions of older people // Productivity Research. – 2021. – No. 9. – S. 19–25.
7. Li Qin, Peng Haoran. Who is more inclined to postpone retirement? — Analysis of factors influencing the willingness of middle-aged and elderly urban residents to postpone retirement // Journal of Public Management. – 2015. – No. 2. – P. 119–128.
8. Who do adults count on for help? From whom do people expect help in case of illness or other unforeseen circumstances? 2016.26 July – URL: <https://fom.ru/TSennosti/12766> (date of access: December 18, 2021)
9. Family in the midst of the crisis. May 18, 2009. // WCIOM - URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-na-fone-krizisa> (date of access: December 18, 2021)
10. The number of women per 1000 men of the corresponding age group // Federal State Statistics Service - URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Frosstat.gov.ru%2Fstorage%2Fmediabank%2FsiHjOJdZ%2Fdemo15.xls&wdOrigin=BROWSELINK> (date of access: January 26, 2022)
11. Gurko T.A. New family forms: distribution trends and concepts // Sociological studies. – 2017. – No. 11. – P. 99–110.
12. Pochagina O.V. Sociocultural and sociopsychological aspects of the aging population in the People's Republic of China // Demoscope Weekly. 2003. No. 131–132. – URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2003/0131/analit07.php> (date of access: January 28, 2022)

Author

Min You, Assistant Professor, Department of Sociology, Yaroslavl State University. P.G. Demidov, Department of Sociology.
E-mail: 261747567@qq.com

МЕЖДУ ПАРТИЕЙ И ВЕРУЮЩИМИ: ПЕРВЫЕ ШАГИ ЭМПИРИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ В КАЗАНИ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.1.17-20

Аннотация. В статье автор обращается к периоду начала 1960-е гг., когда отечественные социальные исследователи включались в трудный и долгий процесс возрождения прикладных социологических исследований, прерванный в годы сталинизма. В эпоху «оттепели» и «постоттепели» социология, как и другие общественные науки, находилась под жестким идеологическим контролем. Так как контроль над проведением прикладных исследований осуществляли партийные комитеты различных уровней, о свободном развитии научной дискуссии, конкуренции научных идей и школ не могло быть и речи. Работы западных социологов были малодоступны и должны были подвергаться критике с позиций теории исторического материализма и научного коммунизма. Несмотря на перечисленные ограничения, цензуру и идеологический контроль, в 1960-е гг. начинается медленный процесс освоения отечественными исследователями методов прикладных эмпирических исследований. Не остались в стороне от этого процесса и казанские социологи и философы. В данной статье рассмотрен пример эмпирического социологического исследования, проведенного в 1967 г. и посвященного религиозности жителей Казани.

Ключевые слова: советская социология, эмпирические социологические исследования, социология религии.

История отечественной социологии извилиста и сложна. Возникнув в конце XIX – начале XX вв., к началу 1920-х гг. российская социология почти сравнялась по своему уровню с передовыми европейскими странами [1, с. 665]. Несмотря на высылку в 1922–1923 гг. ряда выдающихся социологов и философов, развитие социальных наук, прежде всего социальной инженерии и прикладной социологии, продолжалось и в 1920-е гг. Н. Бухарин, бывший в этот период главным идеологом коммунистической партии, рассматривал исторический материализм как социологическую теорию марксизма [2]. Ситуация радикально меняется в середине 1930-х гг.: социология начинает рассматриваться как буржуазная лженаука, враждебная марксизму [1, с. 689]. Прекратились социологические опросы, статистическая информация стала искажаться и засекречиваться.

Возрождение или, как предлагают называть этот процесс ряд авторов, реабилитация социологии началось в 1950-е гг., что было связано с постепенной интеграцией советских ученых в мировую науку: в 1956 г. делегация СССР приняла участие в III Конгрессе Международной ассоциации социологов в Амстердаме, а в конце 1957 г. была создана Советская социологическая ассоциация [3, с. 20–21]. Стали проводиться и массовые социологи-

ческие опросы, в ходе которых исследовались проблемы появления новых форм труда и быта, автоматизации производства, культурно-технического уровня рабочего класса и пр. По словам Г. Батыгина, «социология удачно вписывалась в «научную» версию коммунистического строительства, ее задача заключалась в информационном обеспечении формирования «нового человека» и перерастания социалистических общественных отношений в коммунистические» [4, с. 36].

Развитию отечественной социологии посвящен ряд работ, опубликованных в 1990-е – 2010-е гг. Биографические очерки, рассказывающие о становлении социологической науки и профессионального сообщества социологов в 1960-е годы, содержит сборник «Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах» [5]. В этом же сборнике, а также в работе «Социология и власть: документы и материалы. 1958–1968» [6], опубликованы документы, освещающие процесс институционализации социологии в СССР и ее сложные отношения с партийной олигархией. Целостный обзор возрождения советской социологии в контексте «оттепели и «постоттепели» представлен в книге Б. Фирсова «История советской социологии: 1950-е – 1980-е гг.» [3], а также в главах «Фун-

даментальной социологии» В.И. Добренкова и А.И. Кравченко [1]. В четырехтомной работе Б. Грушина «Четыре жизни России в зеркале общественного мнения» на основе обзора свыше 250 эмпирических социологических исследований, проведенных в 1960-е – 2000-е гг., предпринята попытка определить некоторые значимые характеристики российского менталитета [7; 8; 9]. Хотя многие из этих работ обращаются к эмпирическим исследованиям, проведенным в провинции (например, «Таганрогский проект»), в них никак не упоминаются первые опросы общественного мнения, проведенные во второй половине 1960-х гг. в Казани. Настоящая статья имеет целью отчасти заполнить этот пробел.

В начале 1967 г. социологическая лаборатория Казанского государственного университета провела эмпирическое исследование с целью выяснить уровня религиозности жителей Казани.

На заседании бюро Казанского горкома КПСС 15 мая 1967 г. были доложены результаты опроса:

Верующими назвали себя в среднем 21 % опрошенных (от 26,7 % в Приволжском р-не до 16 % в Советском р-не). Соответственно, атеистами – 79 % (от 73,3 % в Приволжском районе до 84 % в Советском районе).

Среди верующих в Казани преобладали, по данным опроса, православные. Их доля составила 59,5 %. Доля мусульман составила 39 %, и 1,5 % пришлось на верующих других конфессий.

Результаты опроса находились в полном соответствии с известной установкой, что религия в СССР – пережиток прошлого, и среди верующих преобладают люди пожилые и малообразованные.

По возрасту среди верующих преобладали люди пожилого возраста: 72 % верующих – от 50 лет и старше. К молодежи (18 – 30 лет) принадлежали лишь 3 % верующих. По образовательному статусу среди верующих 35 % были неграмотными, 3,2 % – малограмотными 41,6 % имели начальное образование, 19,2 % – среднее и высшее образование. Большинство верующих – пенсионеры (42 %), рабочие (34 %), домохозяйки – 17 %. Служащих 4 %. 58,8 % верующих – русские, 40 % – татары. Абсолютное большинство среди опрошенных верующих были женщины (81 %) [10].

Руководителем социологической лаборатории, подписавшим процитированную выше справку в Казанский горком КПСС о проведенном конкретном социологическом исследовании, был Равиль Губайдуллович Балтанов (1927–1984). В период проведения исследования он был кандидатом философских наук (1963), тема диссертации «Утверждение коммунистической нравственности и борьба с пережитками морали ислама» [11], доцентом кафедры философии (1964–1974). В 1977 г. он защитил диссертацию

на соискание ученой степени доктора философских наук на тему «Основные проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР» [12].

Приведенные выше результаты социологического опроса нельзя понять вне контекста того времени, когда он был проведен – первых лет правления Л. Брежнева, иногда характеризующихся как «постоттепель», когда завершилось время импульсивных («волюнтаристских») кампаний, инициировавшихся Н. Хрущевым и стали проступать первые черты периода стагнации.

Хотя давление на верующих в это время по сравнению с предвоенными годами или началом 1960-х гг. существенно ослабло, за открытое проявление религиозности могли исключить из ВЛКСМ или КПСС. Поэтому открыто заявлять о своей религиозности чаще могли те, кто не рисковал своим статусом – пенсионеры, рабочие и домохозяйки. Хранителем религиозных традиций и обычаев, неконтролируемым со стороны государства оставалось старшее поколение [13, с. 330].

Вторым обстоятельством, заставляющим с недоверием относиться к результатам приведенного выше опроса являются ограничения, накладываемые на конкретные социологические исследования в СССР партийным руководством. Для него функцией этих исследований было почти исключительно поддержание status quo, и социологическая информация рассматривалась как еще один способ подтверждения правильности курса КПСС. Если в средние века наука рассматривалась как служанка богословия, то в советский период, эпоху науки – по крайней мере, общественные науки – рассматривались руководством КПСС как служанки идеологии. В то же время среди социологов были, конечно, личности и целые группы, которые искали новые и честные способы научного понимания советского общества [3, с. 97]. Но чтобы проводить социологические исследования, ученые нуждались в содействии партийных органов, а если результаты исследований отклонялись или шли вразрез с линией партии, их могли прекратить поддерживать или прямо запретить продолжать. Но, судя по отсутствию негативной реакции, Казанский горком КПСС в 1967 г. был удовлетворен проведенным анализом религиозности жителей Казани. Между тем исследования религиозности, проведенные в те же годы в других регионах СССР («пензенский проект» 1967–1969 гг.), показали, что даже с атеизмом (которого, по данным опросов, придерживалось большинство респондентов) дело обстоит не так просто. Из 67 % опрошенных, заявивших о себе как о неверующих, лишь 11 % идентифицировали себя как убежденные атеисты; остальные 58 % были определены социологами как «индифферентные», т.е. безразличные по отношению к религии [13, с. 341].

Таким образом, возобновление эмпирических (прикладных) социологических исследований, развернувшееся в СССР в 1960-е гг., происходило в сложной ситуации. Партийное руководство было полно решимости не дать кому бы то ни было поставить под вопрос догмы советского марксизма, но в то же время было заинтересовано в подкреплении «генеральной линии» партии данными

социологических опросов. Знание об обществе, полученное под бдительным контролем партийно-государственных структур, неизбежно получалось усеченным и ограниченным, о чем свидетельствуют и результаты первых социологических опросов, проведенных казанскими социологами в 1960-е гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология: в 15 т. Т. 1. Теория и методология. – М.: Инфра-М, 2003. – 908 с.
2. Бухарин Н.И. Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. – Изд. 5-е. – М.-Л.: Госиздат, 1928. – 390 с.
3. Фирсов Б. История советской социологии: 1950-е – 1980-е годы. Очерки. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2012. – 476 с.
4. Батыгин Г. Преемственность российской социологической традиции / Социология в России. Под ред. В.А. Ядова. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – С. 23-44.
5. Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах / Отв. ред. и авт. предисл. Г. С. Батыгин. – СПб.: Русский христианский гуманитарный институт, 1999. – 683 с.
6. Социология и власть: документы и материалы. 1958 – 1968. Под ред. Л.Н. Москвичева. – М.: Academia, 1997. – 168 с.
7. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 1-ая. Эпоха Хрущева. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 624 с.
8. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-ая. Эпоха Брежнева (часть 1-ая). – М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 448 с.
9. Грушин Б.А. Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-ая. Эпоха Брежнева (часть 2-ая). – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 464 с.
10. Государственный архив Республики Татарстан, Ф. П26, оп.37, ед.хр.1089, Л. 261–266.
11. Балтанов Р. Г. Утверждение коммунистической нравственности и борьба с пережитками морали ислама / Автореферат дис.... к-та философ. наук. – Казань: Казан. гос. ун-т, 1963. – 20 с.
12. Балтанов Р. Г. Основные проблемы конкретно-социологического анализа религии и атеизма в СССР / Автореферат дис.... д-ра философ. наук. (09.00.06). – Казань: Казан. гос. ун-т, 1974. – 30 с.
13. Смолин В. Свято место пусто не бывает: история советского атеизма. – М.: Новое литературное обозрение, 2021. – 552 с.

Информация об авторе

Сергеева Зульфия Харисовна, кандидат социологических наук, доцент, Казанский национальный исследовательский технологический университет, кафедра государственного, муниципального управления, истории и социологии.

E-mail: zhsergeeva@rambler.ru

Sergeeva Z. Kh.

BETWEEN THE PARTY AND THE BELIEVERS: THE FIRST STEPS OF EMPIRICAL SOCIOLOGY IN KAZAN

Abstract. In the article, the author refers to the period of the early 1960s, when Russian social researchers were involved in the difficult and long process of the revival of applied sociological research, interrupted during the years of Stalinism. In the era of the «thaw» and «post-thaw» sociology, like other social sciences, was under strict ideological control. Since control over the conduct of applied research was carried out by party committees of various levels, there could be no question of free development of

scientific discussion, competition of scientific ideas and schools. The works of Western sociologists were inaccessible and had to be criticized from the standpoint of the theory of historical materialism and scientific communism. Despite the listed restrictions, censorship and ideological control, in the 1960s. the slow process of mastering the methods of applied empirical research by domestic researchers begins. Kazan sociologists and philosophers did not remain aloof from this process. This article examines an example of an empirical sociological study conducted in 1967 and devoted to the religiosity of the inhabitants of Kazan.

Keywords: Soviet sociology, empirical sociological research, sociology of religion.

Literature

1. Dobren'kov V.I., Kravchenko A.I. Fundamental'naya sociologiya: v 15 t. T.1. Teoriya i metodologiya. – M.: Infra-M, 2003. – 908 s.
2. Buharin N.I. Teoriya istoricheskogo materializma. Populyarnyj uchebnik marksistskoj sociologii. – Izd. 5-e. – M.-L.: Gosizdat, 1928. – 390 s.
3. Firsov B. Istoriya sovetsoj sociologii: 1950-e – 1980-e gody. Ocherki. – SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2012. – 476 s.
4. Batygin G. Preemstvennost' rossijskoj sociologicheskoy tradicii / Sociologiya v Rossii. Pod red. V.A. Yadova. – M.: Izd-vo Instituta sociologii RAN, 1998. – S. 23-44.
5. Rossijskaya sociologiya shestidesyatyh godov v vospominaniyah i dokumentah / Otv. red. i avt. predisl. G. S. Batygin. – SPb.: Russkij hristianskij gumanitarnyj institut, 1999. – 683 s.
6. Sociologiya i vlast': dokumenty i materialy. 1958 – 1968. Pod red. L.N. Moskvicheva. – M.: Academia, 1997. – 168 s.
7. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yel'tsina v 4-h knigah. Zhizn' 1-aya. Epoha Khrushcheva. – M.: Progress-Traditsiya, 2001. – 624 s.
8. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yel'tsina v 4-h knigah. Zhizn' 2-aya. Epoha Brezhneva (chast' 1-aya). – M.: Progress-Traditsiya, 2003. – 448 s.
9. Grushin B.A. Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i Yel'tsina v 4-h knigah. Zhizn' 2-aya. Epoha Brezhneva (chast' 2-aya). – M.: Progress-Traditsiya, 2006. – 464 s.
10. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan, F. P26, op.37, ed.hr.1089, L. 261-266.
11. Baltanov R. G. Utverzhdenie kommunisticheskoy npravstvennosti i bor'ba s perezhitkami morali islama / Avtoreferat dis.... k-ta filosof. nauk. – Kazan': Kazan. gos. un-t, 1963. – 20 s.
12. Baltanov R. G. Osnovnye problemy konkretno-sociologicheskogo analiza religii i ateizma v SSSR / Avtoreferat dis.... d-ra filosof. nauk. (09.00.06). – Kazan': Kazan. gos. un-t, 1974. – 30 s.
13. Smolkin V. Svyato mesto pusto ne byvaet: istoriya sovetsoj ateizma. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021. – 552 s.

Author

Sergeeva Zulphiya Kharisovna, Cand. Sc. (Soc.), Kazan National Research Technological University, Russia, Kazan, Department of Government, Public Administration, History and Sociology

E-mail: zhsergeeva@rambler.ru

ОПЫТ УЧАСТИЯ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ В ЦЕНТРАХ СОДЕЙСТВИЯ СЕМЕЙНОМУ УСТРОЙСТВУ, В РЕШЕНИИ ПОВСЕДНЕВНЫХ ВОПРОСОВ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.1.21-24

Аннотация. В статье приведены результаты исследования мнения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на тему их участия в решении повседневных вопросов. Методом сбора данных было интервью (индивидуальное и групповое). В опросе принимали участие дети, находящиеся в Центре содействия семейному устройству г. Владивостока в мае 2021 г. В исследовании приняли участие 9 человек в возрасте от 10 до 18 лет, в т.ч. 6 девочек и 3 мальчика. Вовлеченность воспитанников ЦССУ в решение вопросов повседневности изучалась через практики выбора еды, одежды, кружков, способов организации досуга и др. Исследование показало сложности реализации права детей-сирот на выражение своего мнения и последующего учета этого мнения взрослыми.

Ключевые слова: дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; право ребенка; интервью; интересы ребенка.

Введение

Участие детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в решении вопросов, затрагивающих их повседневность, является актуальной проблемой для воспитанников Центров содействия семейному устройству (далее ЦССУ).

Согласно постановлению Правительства РФ от 24 мая 2014 г. № 481 «О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей» [1], деятельность таких учреждений строится на принципах наилучшего обеспечения интересов детей, гуманизма, общедоступности, приоритета общечеловеческих ценностей, гражданственности, свободного развития личности, защиты прав и интересов детей и светского характера образования.

Главная задача Центров содействия семейному устройству детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, заложена в названии организации – способствовать реализации права каждого ребенка иметь семью.

Дети-сироты, воспитывающиеся, а также временно проживающие в центрах содействия семейному устройству, особо нуждаются в выражении собственного мнения, это важно для формирования навыка отстаивания своих

прав, приобретения опыта в дальнейшей самостоятельной жизни за пределами учреждения. По мнению экспертов, воспитанникам государственных учреждений не всегда удается осуществлять свой выбор в государственных учреждениях в силу разных факторов, и это, как следствие, влечет за собой множество проблем социально-психологической адаптации.

Ранее мы изучали экспертную точку зрения на вопросы участия детей-сирот [2].

Целью данной статьи выступает изучение точки зрения самих детей, в фокусе – повседневная жизнь в учреждении (выбор еды, одежды, кружков, организация досуга и пр.).

Методы исследования

Для изучения представлений об участии воспитанников ЦССУ в решении вопросов, затрагивающих их интересы, существующих практиках участия, а также трудностях реализации права на выражения своего мнения детьми, оставшимися без попечения родителей, был использован метод индивидуального и группового интервью. Опрос проводился в одном из ЦССУ г. Владивостока в мае 2021 г. В исследовании приняли участие 9 человек в возрасте от 10 до 18 лет, в т.ч. 6 девочек и 3 мальчика. В целях сохранения конфиденциальности имена детей были изменены.

Результаты исследования и их обсуждения

В ходе исследования респондентам был задан вопрос по поводу того, в решении каких вопросов в Центре содействия семейному устройству они принимают участие. Также мы попросили детей привести пример, когда взрослые (воспитатель, директор, социальный педагог и др.) учитывали их мнение:

Принимаю участие в мероприятиях, на которые приезжает губернатор ПК, МЧС и другие. Также у нас часто проводится ремонт, я помогаю, мне нравится (Антон, 12 лет).

Когда мы гуляли, я придумала игру, предложила воспитателю, она помогла мне организовать. Всем понравилась моя игра (Юля, 10 лет).

Помогаю на кухне, если мне что-то нужно, воспитатели мне всегда помогают (Андрей 10 лет).

Ремонт в комнате, у нас спрашивают, что мы хотим поставить в комнату, нужен ли ремонт или перестановка. Также спрашивают, что нам нужно из вещей (Светлана, 17 лет).

Учитывают, когда я спрашиваю разрешение у воспитателя погулять со взрослыми на территории учреждения (Ева, 10 лет).

Ответы детей демонстрируют подмену понятия участия как «выражения своего мнения» участием как «включением в разного рода мероприятия». Подобные искажения смысла участия мы встречаем и у взрослых, в т.ч. работающих с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей.

Возможности детей влиять на свою повседневность расширяются по мере взросления (аналогичные процессы мы наблюдаем и в семье) [3], происходит переход от выбора игры на прогулке и возможности погулять со взрослым по территории, прилегающей к ЦССУ, к определению необходимости ремонта и перестановки мебели, выбору одежды.

Также респондентам был задан вопрос: «Как ты выбираешь, что надеть? Участвуешь ли ты в выборе и покупке своей одежды?». Были получены следующие ответы:

Иногда приезжают спонсоры, и мы вместе с ними ездим по магазинам и выбираем самостоятельно себе одежду. Здесь нас тоже обеспечивают одеждой. Мы ходим на склад одежды и выбираем себе вещи (Кристина, 15 лет).

Воспитатель спрашивает, что необходимо из одежды и мы спускаемся на склад, где выбираем одежду (Юля, 10 лет; Алёна, 9 лет; Андрей, 10 лет; Антон, 12 лет).

Нам выдают одежду, и мы сами выбираем, что будем носить (Галя, 11 лет).

Мы вместе с воспитателем спускаемся на склад одежды, и я выбираю, что мне нравится, иногда я с дядей езжу в магазин и покупаю себе одежду (Лена, 13 лет).

К нам приходит воспитатель, спрашивает наш размер, рост и все, потом мы идем на склад, и нам дают вещи, но мало кто берет, мы сами покупаем за свой счет. Потому что даже воспитатель говорит, что она такое бы не одела (Светлана, 17 лет).

Высказывания участников исследования показывают существенное ограничение возможности выбора одежды. Дети вынуждены выбирать из того, что есть на складе, т.е. из той одежды, которую уже выбрали для них взрослые. В некоторых случаях (спонсорская помощь, помощь родственников) у детей появляется возможность участвовать в выборе одежды в магазине.

Мы попросили детей привести пример, когда взрослые (воспитатель, директор) не учитывали их мнение. Для анализа были отобраны разные ситуации:

Например, поездка в лагерь, хочешь-не хочешь, ты поедешь. Так как руководство без твоего ведома включило тебя в список. Директор объяснил тем, что я уже есть в списках и ничего изменить нельзя. (Кристина, 15 лет).

Дети хотят иметь возможность выбирать еду. Как призналась Кристина (15 л.): ...у нас никогда не спрашивают, что мы будем кушать, я, например, не кушаю манную кашу, поэтому просто жду обед и все. Но у нас есть отдельная кухня, где мы можем сами приготовить, поэтому, по возможности, мы покупаем продукты и готовим.

Наличие места, где воспитанники могут готовить себе еду, положительно влияет на их подготовку к самостоятельной жизни, дает возможность брать на себя ответственность, самому что-то делать и решать.

Также ребята часто говорили о невозможности отказаться от участия в разных мероприятиях (в ЦССУ, в школе):

К нам приезжали репетиторы по английскому языку, они сказали, что в конце всех занятий мы поедем выступать в театре, мне дали роль рассказчика. Я сказала, что не хочу быть рассказчиком, но меня не послушали (Галя, 11 лет).

Подобное пренебрежение мнением ребенка связано с отношением взрослой части общества к детям как незрелым, неопытным, неумелым (дети-объекты, получатели заботы), поэтому взрослые принимают решение за детей, в некоторых случаях, даже не спрашивая, что они по этому поводу думают.

Как показало исследование В.А. Одиноквой, М.М. Русаковой, «мнение ребенка принимается во внимание чаще, если он достиг старшего подросткового возраста и у него нет симптомов эмоциональных и поведенческих расстройств» [4].

Участники нашего исследования связывали собственную невозможность высказать взрослым мнение и/или рассчитывать, что это мнение будет принято во внимание, с имеющимися финансовыми ограничениями:

Также мне нужны были деньги на билет чтобы поехать на занятие по боксу, занятие проходит на Молодежной, денег не дали, сказали: иди пешком. (Кристина, 15 л.)

Я очень хочу учиться на робототехнике, но никому не говорю, потому что меня никто не хочет знать (Антон, 12 л.)

Финансовые ограничения возникают и при выборе одежды и еды.

В.А. Одиноквой, М.М. Русаковой в ходе опроса детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, было установлено, что существует связь между наличием доверенного взрослого в детском доме и степенью реализации права детей на участие в принятии решений [4, с. 138].

Мы также задавали воспитанникам ЦССУ вопрос: «Если ты сомневаешься, какое решение принять, что ты будешь делать, к кому пойдешь за помощью?».

Ответы ребят разделились – часть склонялась в пользу сверстников (друзей, близкого человека), часть – взрослых в учреждении:

В первую очередь обращусь к молодому человеку, он также проживает в детском доме, но сейчас он дома, его забрали на выходные (Кристина, 15 лет).

Обращусь к воспитателю или психологу (Юля, 10 лет; Андрей, 10лет; Алёна, 9лет; Максим, 13лет; Максим, 12 лет, Светлана, 17лет).

За помощью обращусь к воспитателю, но им я не доверяю (Ксения, 11лет).

Обращусь за помощью к друзьям (Лена, 13 лет).

Режим учреждения затрудняет реализацию права детей на свободный выбор досуговой деятельности, выбор дополнительных занятий и пр. Ни один из опрошенных не посещает кружки, секции, так как после занятий детям необходимо возвращаться в учреждение:

Я не хожу, мне нельзя. Но хотел бы. Там есть курсы по робототехнике, но мне не разрешили, сказали, что детский дом не участвует в конкурсах. Также я хотел бы заниматься оригами, единоборством и ходить в художественный кружок (Антон, 12 лет).

Выводы

Опрос детей, находящихся в Центре содействия семейному устройству, показал, что право на выражение собственного мнения и учет этого мнения по вопросам, связанным с повседневностью ребенка, очень часто нарушается. Причиной нарушения выступает, в первую очередь, сам режим закрытого учреждения. От режима учреждения, удаленности объектов инфраструктуры от ЦССУ находится в прямой зависимости выбор форм досуговой деятельности, дополнительных занятий. Нахождение детей на полном государственном обеспечении приводит к тому, что вопросы приобретения еды, одежды, мягкого инвентаря также решаются практически без участия ребенка. Выбор появляется только в ситуации предоставления денег родственниками или спонсорами. Также часто игнорируется мнение ребенка при определении места летнего отдыха.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Правительства РФ от 24.05.2014 N 481 (ред. от 19.05.2021) "О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163487/2c12eff23748ae4d8fc4a0345444db59df893e03/ (дата обращения: 24.01.2022).
2. Калабина И.А., Стеколыщикова А.А., Филипова А.Г. Практики включения детей, оставшихся без попечения родителей, в решение вопросов, затрагивающих их интересы: региональные особенности // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2021. – № 1 (56). – С. 142–149.
3. Филипова А.Г., Абросимова Е.Е., Бухтиярова И.Н. Участие детей в решении семейных вопросов: анализ материалов родительских форумов // Социология. – 2020. – № 3. – С. 222–233.
4. Русакова М.М., Одиноква В.А. Участие детей, находящихся в организациях для детей-сирот, в принятии решений // Петербургская социология сегодня. – 2019. – № 11. – С. 128–143.
5. Гарифулина, Э. (2017) Подходы к учету мнения ребенка при принятии решений, затрагивающих его интересы. [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--c1ackabuhcbecyrh.xn--p1ai/resources/conferencematerials/45/GarifulinaES.pdf> (дата обращения: 24.01.2022).

Информация об авторе

Стеколыщикова Анастасия Александровна, ассистент, Дальневосточный федеральный университет, департамент социальных наук.

Email: Anas-yasT@mail.ru

EXPERIENCE OF THE PARTICIPATION OF CHILDREN IN FAMILY ASSISTANCE CENTERS IN SOLVING EVERYDAY ISSUES

Abstract. The article presents the results of a study of the opinions of orphans and children left without parental care on the topic of their participation in solving everyday issues. The data collection method was interviews (individual and group). The survey involved children who are in the Center for the Promotion of Family Placement. The involvement of pupils of the CSSU in solving everyday issues was studied through the practice of choosing food, clothes, children's clubs, ways of organizing free-time, etc. The study showed the difficulty in realization of orphans' rights to express their opinion and the subsequent consideration of this opinion by adults. In addition to financial constraints in this area, the difficulties are caused by the nature of institutions' work regimes, the unwillingness and inability of adults to listen to the opinions of children, which, in turn, causes the same unwillingness on the part of orphans.

Keywords: orphans; children left without parental care; the right of the child; interview; the interests of the child.

Literature

1. Decree of the Government of the Russian Federation of May 24, 2014 N 481 (as amended on May 19, 2021) "On the activities of organizations for orphans and children left without parental care, and on the placement of children left without parental care in them. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163487/2c12eff23748ae4d8fc4a0345444db59df893e03/ (date of access: 24.01.2022).
2. Kalabina I.A., Stekolshchikova A.A., Filipova A.G. practices inclusion of children left without parental care in resolving issues affecting their interests: regional features // Oikumena. Regional studies. – 2021. – No. 1 (56). – P.142–149.
3. Filipova A.G., Abrosimova E.E., Bukhtiyarova I.N. Participation of children in solving family issues: analysis of materials from parent forums // Sociology. - 2020. – No. 3. – P. 222–233.
4. Rusakova M.M., Odinkova V.A. The participation of children in organizations for orphans, in decision-making // Petersburg Sociology Today. –2019. – No. 11. – P.128 –143.
5. Garifulina, E. (2017) Approaches to taking into account the opinion of the child when making decisions affecting his interests. [Electronic resource]. URL: <http://xn--c1ackabuhcbecyrh.xn--p1ai/resources/conferencematerials/45/GarifulinaES.pdf> (date of access: 24.01.2022).

Author

Stekolshchikova Anastasia Aleksandrovna, Assistant, Far Eastern Federal University, Department of Social Sciences.

Email: Anas-yasT@mail.ru

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1989 г. В ОСВЕЩЕНИИ СОЦИОЛОГОВ

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.1.25-28

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы освещения советскими социологами избирательной кампании 1989 года по выборам народных депутатов СССР. Узловой проблемой явился переход от неконкурентной системы к системе конкурентной с наличием альтернативных кандидатов. В данной ситуации появляется запрос на разнообразные электоральные социологические исследования. Появляются первые комплексные исследования по сопровождению избирательного процесса. Проводились целые серии опросов различных типов для выявления электоральной картины в отдельных местностях. Некоторые социологи приняли участие в выборах в качестве членов предвыборных штабов. Участие в агитационно-пропагандистских мероприятиях определялось ими в качестве таких социологических методов, как включенное наблюдение, нестандартизированное интервью и, даже, эксперимент. Масса публикаций была посвящена общим вопросам, в первую очередь, итогам выборов и перспективам развития избирательного процесса. Большое внимание уделялось пропаганде идей перестройки. В первую очередь речь идет о курсе на «демократизацию», реализуемую с помощью дальнейшей трансформации выборной системы.

Ключевые слова: избирательная кампания, избирательный процесс, электоральная социология, социологические исследования.

Конкурентные всенародные выборы являются базой легитимации органов власти в рамках системы современной либеральной демократии. Способы их проведения используются в пропагандистской борьбе в качестве критерия отнесения политического режима к «правильным» (демократическим) или «неправильным» (авторитарным или тоталитарным).

Сами выборы давно стали предметом исследования правоведов и политологов [1–4]. Поэтому актуальным, на наш взгляд, является рассмотрение социологического аспекта фиксации данного перехода в рамках трансформации социально-политической системы СССР.

Политбюро ЦК КПСС 7 июня 1988 г. принимает постановление «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых социальных проблем советского общества». Одной из таких проблем являлся переход к альтернативным политическим выборам. Рассмотрим, каким образом социологи обеспечивали кампанию по избранию народных депутатов СССР.

В первую очередь следует отметить комплексные исследования по сопровождению избирательного процесса. Так, в Москве сектор изучения общественного мнения Ин-

ститута социологии АН СССР провели следующие опросы. Перед выборами. 1) 1621 респондентов по месту жительства в трех избирательных округах. 2) 280 лиц в одном округе. 3) телефонный опрос в одном округе (463 абонента).

После выборов. В 14-ти трудовых и учебных коллективах (425 респондентов, репрезентативная производственная выборка). Таким образом, было опрошено 2789 избирателей [5, С. 33].

Руководитель проекта А.М. Демидов подчеркивал пассивность значительной части избирателей. Большинство опрошенных москвичей было удовлетворено, как поражением непопулярных партийных функционеров, так и избранием священнослужителей. Недовольство вызывали разнообразные явления: некорректное ведение предвыборной борьбы; проведение повторного голосования; предвыборные собрания; отсутствие ценза оседлости, необъективное отношение местных партийных и советских органов к «некоторым кандидатам»; снижение среди народных депутатов процента молодых, беспартийных и рабочих. Интересно, что относительно уменьшения доли депутатов-женщин голоса разделились примерно поровну.

Некоторые социологи приняли участие в выборах в качестве членов предвыборных штабов. Так, сотрудники Макеевского инженерно-строительного института (Донецкая обл., УССР) во время кампании А. Н. Саунина использовали следующие методы. 1) Участие в 120-ти встречах и собраниях (включенное наблюдение). 2) Собеседование с избирателями в перерывах и после собраний (500 высказываний и 1027 вопросов, нестандартизированное интервью). 3) Эксперимент по изучению реакции на корректировку предвыборной программы кандидата и языка ее изложения.

Авторы проанализировали результаты разработанного ими «комбинированного метода». В качестве недостатков выступили: участие в мероприятиях преимущественно общественных активистов, что вело к неполной репрезентативности результатов; невозможность получения объективных данных о респондентах. Зато список достоинств был гораздо длиннее. Это 1) скорость сбора информации, 2) возможности для достаточно точного прогноза итогов выборов, 3) возможность изучения избирательного процесса изнутри, 4) переход от схоластического теоретизирования к исследованию реальных проблем развития общественного мнения, 5) осуществление включенного управления; 6) включение респондентов «в реальный процесс жизнедеятельности» [6, С. 38].

Социологи указывали на изменение роли избирателя. В ходе кампании кандидат традиционно воспринимался как лоббист («ходатай»). После I Съезда народных депутатов СССР на встречах с депутатом «политически повзрослевший» участники задавали вопросы «свидетельствовали о более глубоком, конкретном понимании общественных проблем, политических в первую очередь <...> Избиратели поддерживали проводимые в стране демократические преобразования, положительную оценку получила деятельность „парламентского меньшинства“ на съезде» [6, С. 37].

В целом итогам выборов и перспективам развития избирательного процесса была посвящена масса публикаций. Так, В. Э. Бойков и Ж. Т. Тощенко опубликовали в газете «Правда» («Посмотрим правде в глаза», 15.10.1989) результаты Всесоюзного опроса трудящихся, проведенного в июне Академией общественных наук ЦК КПСС. Авторы фиксировали массовую поддержку курса на перестройку, в сочетании с относительно низким уровнем доверия к партийным и советским руководителям, лишь на словах выступающим за перемены.

Опирающийся на материалы данного исследования сотрудник Института социологии А. А. Возмитель предлагал снять данное противоречие с помощью дальнейшей трансформации избирательной системы. «Вопрос первостепенной важности – демократически организованные выборы, по которым люди судят о степени доверия к ним, о перестройке в целом» [7, С. 34].

Но обстоятельнее всего, на наш взгляд, проанализировал итоги выборов сотрудник НИИ «Опыт» Академии общественных наук при ЦК КПСС В. С. Комаровский. Население готовилось к борьбе за свои права, о чем свидетельствовал повышенный интерес к законодательству и процедуре. Особенно это было заметно в крупных городах. В процессе борьбы за своих кандидатов избиратель постепенно овладевал навыками политической деятельности и самоорганизации.

«И в целом результаты выборов для партийных комитетов вряд ли верно признавать удовлетворительными. Тот факт, что среди депутатов 87% составляют коммунисты, нельзя прямолинейно истолковывать как все и вся определяющий. Наступила пора более трезво оценить как сам этот факт, так и результаты выборов в целом» [8, С. 3–4].

Основными причинами неудачи партийных «бонз» являлись: общий неблагоприятный социально-экономический фон, и возросшая степень недоверия к способности партийного руководства в центре и на местах решать настоящие проблемы; непонимание части партийных комитетов глубинного смысла происходящих перемен, отсутствие готовности и умения работать по-новому; отставание темпов перестройки в партии от перестроечных процессов в обществе.

Наряду с этим автор указывал на дилетантский подход к организации и планированию выборной кампании; отсутствие ярких личностей; номенклатурный принцип выдвижения в кандидаты; потерю партийными комитетами интеллектуальной инициативы, неумение возглавить нарастающую социальную активность и творчество масс; неприятие значительной частью избирателей важного тезиса о целесообразности соединения в одном лице функций партийного и советского руководства; разнообразные промахи тактического характера; слабую агитационно-массовую работу, основанную большей частью на традиционных методах и подходах.

«Отметим также промахи при написании биографий и программ кандидатов, недооценку такого элемента выборной кампании, как личные встречи с избирателями, листовок и плакатов, неумение установить деловые партнерские отношения со средствами массовой информации и пропаганды» [8, С. 89].

Таким образом, в ситуации перехода к конкурентной избирательной системе появляется запрос на разнообразные электоральные социологические исследования.

Появляются первые комплексные исследования по сопровождению избирательного процесса. Проводились целые серии опросов различных типов для выявления электоральной картины в отдельных местностях. Причем предвыборные замеры сопровождались корректирующими

исследованиями, проводимыми по отличающейся от предыдущих полевых работ методике.

Некоторые социологи приняли участие в выборах в качестве членов предвыборных штабов. Участие в агитационно-пропагандистских мероприятиях определялось ими в качестве таких социологических методов, как включенное наблюдение, нестандартизированное интервью и, даже, эксперимент.

Масса публикаций была посвящена общим вопросам, в первую очередь, итогам выборов и перспективам развития избирательного процесса. Преимущество социологов состояло в возможности выявлять «волю народа» с

помощью данных, полученных в результате специальных исследований.

Большое внимание уделялось пропаганде идей перестройки. В первую очередь речь идет о курсе на «демократизацию», реализуемую с помощью дальнейшей трансформации выборной системы. Разумеется, не обходилось без критики скрытых противников данного курса из числа партийных и советских руководящих работников.

Ведущие советские социологи всесторонне анализировали практику избирательного процесса, указывая на конкретные ошибки, как организаторов, так и отдельных участников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буянцов А. В. Выборы народных депутатов СССР 1989 г. // Россия и соврем. мир. – 2009. – № 3 (64). – С. 187 – 194.
2. Кудрякова Д. В. Особенности организации и проведения выборов в Советском государстве в 1988-1989 гг. // Проблематический сетевой электрон. журн. Кубан. Гос. аграр. ун-та. – 2013. – № 87. – С.796–807.
3. Кузьмин В.Н. Опыт выборов народных депутатов СССР в 1989 г.: Федерал. и регионал. компоненты // Изв. Алтай. гос. ун-та. – 2008. – № 4 (60). – С. 111–114.
4. Становление современной демократической системы управления: (20-летию первых свобод. выборов в России 29 марта 1989 г. посвящается) // Межвуз. науч. конф. (Омск, 17 апр. 2009 г.) / Омск. юрид. ин-т. Омск, 2009. – 158 с.
5. Демидов А. М. Секреты избирателей // Социол. исслед. – 1989. – № 5. – С. 29–35.
6. Губарь О. М. Общественное мнение в предвыборной борьбе / Губарь О. М., Зывцев В. Н., Саунин А. Н. // Социол. исслед. – 1990. – № 4. – С. 36–40.
7. Возмитель А. А. На изломе // Социол. исслед. – 1990. – № 2. – С. 34–41.
8. Время выбора: Местные ком. КПСС в новой полит. ситуации формирования Советов нар. депутатов / Ред.-сост. В.С. Комаровский. М., 1989. –181 с.

Информация об авторе

Шевцов Алексей Владимирович, профессор, доктор филологических наук, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Институт истории и социальных наук, кафедра социологии.

E-mail: monografia.schevtsov@yandex.ru

Shevcov A.V.

THE 1989 ELECTION CAMPAIGN IN THE COVERAGE OF SOCIOLOGISTS

Abstract. The article deals with the problems of coverage by Soviet sociologists of the 1989 election campaign for the election of People's Deputies of the USSR. The key problem was the transition from a non-competitive system to a competitive system with alternative candidates. In this situation, there is a request for a variety of electoral sociological studies. The first comprehensive studies on the support of the electoral process appear. A whole series of polls of various types were conducted to identify the electoral picture in certain localities. Some sociologists took part in the elections as members of election headquarters. Participation in agitation and propaganda events was defined by them as such sociological methods as included observation, non-standardized interview and, even, experiment. A lot of publications were devoted to general issues, first of all, the results of the elections and the prospects for the development of the electoral process. Much attention was paid to the promotion of the ideas of perestroika. First of all, we are talking about the course of «democratization», implemented through further transformation of the electoral system.

Keywords: election campaign, electoral process, electoral sociology, sociological research.

Literature

1. Buyantsov A.V. Elections of People's Deputies of the USSR in 1989 // Russia and the modern world. – 2009. – No. 3 (64). – P. 187–194.
2. Kudryakova D. V. Features of the organization and conduct of elections in the Soviet State in 1988-1989 // Problematic online electronic journal of the Kuban State Agrarian University. – 2013. – No. 87. – P. 796–807.
3. Kuzmin V.N. The experience of elections of People's Deputies of the USSR in 1989: Federal and regional components // Proceedings of the Altai State University. – 2008. – No. 4 (60). – P. 111–114.
4. The formation of a modern democratic system of government: (to the 20th anniversary of the first freedoms. the elections in Russia on March 29, 1989 are dedicated to) // Intercollegiate Scientific Conference (Omsk, April 17, 2009) / Omsk Law Institute. Omsk, 2009. – 158 p.
5. Demidov A.M. Secrets of voters // Sociological research. – 1989. – No. 5. – P. 9–35.
6. Gubar O. M. Public opinion in the pre-election struggle / Gubar O. M., Zvytsev V. N., Saunin A. N. // Sociological research. – 1990. – No. 4. – P. 36–40.
7. Vozitel A. A. On the break // Sociological research. – 1990. – No. 2. – P. 34–41.
8. Time of choice: Local committees of the CPSU in the new political situation of the formation of Councils of People's Deputies / Editor-compiler V. S. Komarovskiy. Moscow, 1989. –181 p.

Author

Shevcov Alexey Vladimirovich, Professor, Doctor of Philology, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Institute of History and Social Sciences, Department of Sociology
E-mail: monografia.schevtsov@yandex.ru

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРИЧИН АБОРТОВ: АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

DOI: 10.26907/2079-5912.2022.1.29-32

Аннотация. От правильного определения причин во многом зависит решение любой проблемы. В статье обобщены сведения трудов российских исследователей за XX и XXI века о причинах распространения аборт в России. До настоящего времени, поиск причин абортов основывается на выявлении закономерностей в социально-экономических, культурно-бытовых, семейных условиях жизни женщин, которые совершали аборт. То есть исследования основываются на изучении внешнего аспекта поведения. На основе положений теорий социальных практик автором была осуществлена попытка описания внутреннего процесса формирования принятия женщиной решения об аборте. В результате чего были выявлены внутренние причины, по которым женщина решается на аборт, определена их роль в этом процессе. Автор пришел к выводу, что исследование причин абортов с опорой на концепцию социальных практик раскроет субъективные факторы абортов, что позволит продвинуться в познании вопросов о факторах снижения численности абортов в России.

Ключевые слова: проблема абортов, закономерности в условиях жизни, внутренние причины, поведение человека, социальная практика

Возможность решения проблемы абортов во многом зависит от правильного определения причин их распространения. Попытки регулирования абортов предпринимаются с начала прошлого века. Несмотря на это, их количество в России до настоящего времени остается значительным [1]. Для получения возможности повысить эффективность регулирования абортов в России, необходимо обобщить применяемые подходы в трудах российских исследователей по данному вопросу, и на основе концепции социальных практик обозначить их недостаточность, определить «темное место» причин абортов.

О причинах, вызывающих аборты, в России заговорили еще на рубеже XX века на заседаниях медицинских съездов. К первому фундаментальному труду, в котором затрагивалась эта тема, следует отнести работу 1929 года А. Генса. Одной из ее задач стало «изучение социально-бытовой обстановки, вызывающей аборты» [2, с. 3]. На основе обработки статистических карточек, заполняемых женщинами, которые обращались в медучреждение для проведения обозначенной процедуры, автор выделил группы женщин по их социально-экономическим условиям жизни, которые чаще прибегали к аборт.

В 1969 году был опубликован на эту же тему труд Е.А. Садвокасовой [3]. В результате обработки двадцати

шести тысяч анкет, автор выделила четыре группы причин абортов: не с кем оставить ребенка дома, невозможно устроить в детский сад, отсутствие собственной жилой площади, материальная необеспеченность – 30%; многодетность – 10%; отсутствие мужа, болезнь родителей, семейные неполадки – 20%; нежелание матери сохранить беременность – 40% [3, с. 152–163], из которых первые три относятся к внешним причинам, последняя к внутренним, которая осталась без комментариев автора. Е. А. Садвокасова ограничилась выводом о том, что причины совершения аборта связаны с условиями жизни женщины и ее семьи, улучшение которых само решит проблему абортов.

Подход через изучение закономерностей с социально-экономических, культурно-бытовых условиях жизни женщин, совершающих аборт чаще, просматривается в науке до настоящего времени. С 1990-х годов исследователи к обозначенным причинам добавили низкую информированность о средствах контрацепции, раннее начало половой жизни (Л.В. Гаврилова [5], Е.А. Косырева [6]).

А.Н. Липатов в 1997 году в результате исследования выделил факторы риска из жизни женщин, при которых аборты встречаются чаще [7]. А.Н. Юсупова в своей монографии в 2004 году составила «портрет» женщины, которая чаще других выбирает искусственное прерывание

беременности как способ регулирования рождаемости, и «картину» той социальной среды, где аборт делается чаще [8, с. 73–75]. Определение характеристик женщины, для которой совершение аборта имеет большую вероятность наблюдается и в диссертационном исследовании С.А. Конакова [9]. В результате, решение проблемы абортов автор увидел в проведении профилактической работы, направленной именно на данную категорию женщин. Тенденции к поиску «портрета женщины», в большей степени склонной к аборту, а также к выявлению социально-экономических причин абортов просматриваются и в более современных работах (Н.С. Брынза, А.М. Сульдин, А.Д. Иванова [10], Я.Н. Павлов [11]).

Отметим, что А. Н. Юсупова также впервые обозначила психологические причины абортов: спешка, в которой женщина пытается избавиться от наступившей беременности и следствие «абортивной культуры» [8, с. 28]. Психологические причины продолжили рассматривать и другие авторы (Н. Н. Петрова [12], Е. Г. Руновская [13]). Они попытались выявить закономерности: в опыте материнства, в опыте прерывания беременности, религиозности, в характере отношений с отцом ребенка, со значимыми близкими, в материально-финансовой базе, необходимой для обеспечения ухода и воспитания ребенка.

Таким образом, до конца XX века, российские исследователи поиск причин абортов осуществляли через выявление закономерностей в обстоятельствах жизни женщины, то есть исследования ограничивались изучением внешнего аспекта ее поведения. Однако, еще из результатов исследований А. Генса, становится очевидно, что к абортам прибегают женщины любого достатка, семейного положения,

не зависимо от количества детей [2]. Кроме того, при объяснении поведения человека говорить об экономических, культурных, или технологических причинных факторах как доминирующих ошибочно [14, с. 210]. На ряду с внешними, существенную роль имеют внутренние причины, основанные на идеологии, религии, этике и прочем. При этом, ни один из причинных факторов социология не квалифицирует как конечную причину изменения социального процесса [14, с. 43].

В рамках концепций социальных практик (П. Бурдьё [15], Э. Гидденс [16] и другие) процесс принятия решения женщиной искусственно прерывать беременность может выглядеть следующим образом: первый этап – факт наступления беременности расходится с ее интересами или потребностями. Второй этап – она обращается к «банку своих идей», к нормам общества, где находит убедительное оправдание аборту, согласовывает это со своими духовно-нравственными установками, религиозными нормами и если не находит противоречий, то решается на прерывание беременности. Представленный процесс обозначает существенную роль внутренних установок женщины в ее принятии решения об аборте.

Таким образом, причины абортов выходят за рамки внешних обстоятельств жизни женщины. Для актуализации методов регулирования абортов в России необходимо изучение всего комплекса причин, оказывающих воздействие на поведение женщин. Этому может способствовать использование концепции социальных практик, одним из важнейших аспектов которой является изучение поведения человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. / Росстат. – М., 2020 – С. 220.
2. Генс А. Проблема аборта в СССР. – М.: Госмедиздат, 1929. – 91 с.
3. Садвокасова Е. А. Социально-гигиенические аспекты регулирования размеров семьи. – М.: Медицина, 1969. – 192 с.
4. Гаврилова Л.В. Репродуктивное поведение населения Российской Федерации в современных условиях: Автореф. дис. канд. мед. наук. – М., 1997. – 22 с.
5. Косарева Е.А. Факторы, влияющие на репродуктивное поведение женщин: Автореф. дис. канд. мед. наук. – М., 2000. – 20 с.
6. Липатов А.Н. Комплексное социально-гигиеническое исследование причин абортов и организация мероприятий по планированию семьи в условиях сельского района: Автореф. дис. канд. мед. наук. – Казань, 1997. – 24 с.
7. Юсупова А. Н. Аборты в России: монография / [Под ред. В.Ю. Альбицкого]. – М.: ГЭОТАР-МЕД, 2004. – 208 с.
8. Конаков С.А. Медико-социальные аспекты абортов в мегаполисе: Автореф. дис. канд. мед. наук. – М., 2014. – 25 с.
9. Брынза Н. С., Сульдин А. М., Иванова А. Д. Социально-гигиеническая характеристика женщин, принявших решение о завершении беременности посредством аборта // Медицинская наука и образование Урала. – 2019. – Т. 20. – № 1 (97). – С. 117 – 122.
10. Павлов Я. Н. Анализ распространенности абортов и пути решения проблемы на территории Магаданской области // Дальневосточный медицинский журнал. – 2021. – № 1. – С. 84–89.
11. Петрова Н.Н. Психологические факторы искусственного прерывания беременности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. – 2006. – № 3. – С. 120–124.

12. Руновская Е.Г. Ценностно-смысловые детерминанты отношения женщин к аборту: Автореф. дис. канд. психолог. наук. – Ярославль, 2014. – 27 с.
13. Штомпка П. Социология социальных изменений / [Пер. с англ.; под ред. В. А. Ядова]. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 416 с.
14. Бурдые П. Практический смысл / [Пер. с франц.: А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко]; Ответст. Ред. перевода и послесловия Н. А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с.
15. Гидденс Э. Устройство общества : Очерк теории структуризации / [Пер.: Тюрина И.]. – М.: Академический проект, 2003. – 525 с.

Информация об авторе

Шелест Марина Викторовна, соискатель ученой степени, Волгоградский государственный университет, кафедра педагогики, психологии и социальной работы.

E-mail: marina_sheles@mail.ru

Shelest M.V.

REVIEW OF THE SCIENTIFIC LITERATURE ON THE CAUSES OF ABORTION

Abstract. The solution of any problem largely depends on the correct definition of the causes. The article summarizes the information of the works of Russian researchers for the XX and XXI centuries on the causes of the spread of abortions in Russia. To date, the search for the causes of abortions is based on the identification of patterns in the socio-economic, cultural, domestic, family living conditions of women who have had an abortion. That is, research is based on the study of the external aspect of behavior. Based on the provisions of the theories of social practices, the author made an attempt to describe the internal process of forming a woman's decision on abortion. As a result, the internal reasons for which a woman decides to have an abortion were identified, their role in this process was determined. The author came to the conclusion that the study of the causes of abortions based on the concept of social practices will reveal their internal aspect, which will make it possible to update the methods of regulating abortions in Russia.

Keywords: abortion problem, regularity in living conditions, internal causes, human behavior, social practice

Literature

1. Russian Statistical Yearbook. 2020: Stat.sat. / Rosstat. – М., 2020 – P. 220.
2. Gens A. The problem of abortion in the USSR. – М.: Gosmedizdat, 1929. – 91 p.
3. Sadvokasova E. A. Socio-hygienic aspects of family size regulation. – М.: Medicine, 1969. – 192 p.
4. Gavrilo L.V. Reproductive behavior of the population of the Russian Federation in modern conditions: Abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences. – М., 1997. – 22 p.
5. Kosareva E.A. Factors influencing the reproductive behavior of women: Abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences. – М., 2000. – 20 p.
6. Lipatov A.N. Comprehensive socio-hygienic study of the causes of abortions and the organization of family planning activities in a rural area: Abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences. – Kazan, 1997. – 24 p.
7. Yusupova A. N. Abortions in Russia: monograph / [Edited by V.Y. Albitsky]. – М.: GEOTAR-MED, 2004. – 208 p.
8. Konakov S.A. Medical and social aspects of abortions in the metropolis: Abstract of the dissertation of the Candidate of Medical Sciences. – М., 2014. – 25 p.
9. Brynza N. S., Suldin A.M., Ivanova A.D. Social and hygienic characteristics of women who have decided to terminate pregnancy through abortion // Medical science and education of the Urals. – 2019. – Т. 20. – № 1 (97). – P. 117–122.
10. Pavlov Ya. N. Analysis of the prevalence of abortions and ways to solve the problem on the territory of the Magadan region // Far Eastern Medical Journal. – 2021. – № 1. – P. 84–89.
11. Petrova N.N. Psychological factors of artificial termination of pregnancy // Bulletin of St. Petersburg University. Medicine. – 2006. – № 3. – P. 120–124.
12. Runovskaya E.G. Value-semantic determinants of women's attitude to abortion: Abstract of the dissertation of the Candidate. psychological sciences. – Yaroslavl, 2014. – 27 p.

13. Shtompka P. Sociology of social changes / [Trans. from English; edited by V. A. Yadov]. – M.: Aspect-Press, 1996 – 416 p.
14. Bourdieu P. Practical sense / [Translated from French: A. T. Bikbov, K. D. Voznesenskaya, S. N. Zenkin, N. A. Shmatko]; Reply to the Ed. of the translation and afterword by N. A. Shmatko. – St. Petersburg: Aletya, 2001. – 562 p.
15. Giddens E. The organization of society: An essay on the theory of structuration / [Trans.: Tyurina I.]. – M.: Academic Project, 2003. – 525 p.

Author

Shelest Marina Viktorovna, PhD Candidate, Volgograd State University, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work.

E-mail: marina_sheles@mail.ru

КАЗАНСКИЙ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК
#1 2022 (52)

Подписано в печать 25.02.2022

Дата выхода в свет 25.02.2022

Формат 60 x 84 1/8

Усл. печ. л. 3,7. Тираж 300 экз. Заказ № 43/2.

Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства Казанского университета

Адрес издателя: 420008, г. Казань,
ул. Профессора Нухина, 1/37

тел. (843) 233-73-59, 233-73-28